

# В МЕСТО ЗАВЕЩАНИЯ

*«Родина могла обойтись без нас,  
но мы без неё обойтись не могли».*

*Б. Шварцман*

ББК 63.3(4укр-2сев)622

**Кубарский Б.А.**

**К88 Вместо завещания - Севастополь:**

**ООО "Каламо-Пресс", 2012. - 96 с.**

учасника обороны Одеси та Севастополя ст.лейтенанта  
Кубарьского Б.О.

ББК 63.3(4укр-2сев)622

© Межрегиональная общественная организация  
"Объединение патриотов Севастополя"

ISBN 978-966-2038-14-9

ООО "Каламо-Пресс"

Книга издана по заказу Межрегиональной общественной  
организации "Объединение патриотов Севастополя"



ОБЪЕДИНЕНИЕ ПАТРИОТОВ СЕВАСТОПОЛЯ

<http://www.sevpatriot.ru>

Воспоминания Кубарского Б.А. и послевоенные фотографии предоставлены участником Великой Отечественной войны, председателем Совета Ветеранов Приморской армии по Одессе и Одесской области Лучинкиной Валентиной Ивановной.

- Фотографии для книги предоставлены Национальным музеем героической обороны и освобождения Севастополя (НМГООС).

Издатель выражает благодарность председателю Совета Ветеранов Приморской армии по Одессе и Одесской области Лучинкиной Валентине Ивановне,

директору Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя Рудометову Александру Александровичу,

заведующей филиалом Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя Агишевой Ирине Юрьевне,

заведующей сектором отдела фотофондов Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя Семашко Татьяне Юрьевне

за предоставленные материалы и консультации в ходе подготовки книги к изданию.

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель, ты держишь в руках книгу, которая вышла с опозданием на 30 лет. Именно к 40-летию Победы Кубарский Борис Александрович – участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., старший лейтенант, командир батареи 134 гаубичного артполка 172 стрелковой дивизии Приморской армии, прошедший ужасы немецкого плена и концлагерей, хотел выпустить книгу со своими воспоминаниями. Но... прошло ещё почти 30 лет, прежде чем книга вышла в свет. Бориса Александровича уже нет с нами...

Кубарский Б.А. на фоне своей биографии раскрывает моменты обороны Одессы и Севастополя, участником которых он являлся.

В конце октября 1941 г. 11-я немецкая армия, под командованием одного из лучших генералов Гитлера – Эриха фон Манштейна, которому за взятие Севастополя был обещан жезл фельдмаршала, подошла к Севастополю. Э.Манштейн не считал город укрепленной крепостью и планировал взять его сходу, но просчитался. Долгие 250 дней простояла армия генерала Манштейна у стен Севастополя. Два раза в 1941 году гитлеровские войска штурмовали город. Несмотря на приказ Гитлера – взять Севастополь не позднее 22 декабря 1941 года, это не удалось сделать и в начале 1942 г. – защитники города продолжали держаться, отбивая яростные атаки противника.

С января по май 1942 года в Севастополе наступает период относительного затишья. Но генерал Эрих фон Манштейн не оставляет попытки взять город и отдаёт приказ, в соответствии с которым с 20 мая 1942 года город подвергся бомбардировкам и артобстрелу, которые длились в течение 2-х недель. По Севастополю били не только осадные и сверхтяжёлые орудия, но и самое мощное орудие Второй Мировой войны – пушка «Дора». Самолёты противника находились в небе практически круглосуточно – только со 2 по 6 июня немецкая авиация сделала 9.000 самолётных вылетов.

7 июня 1942 года начинается третий штурм города, события которого развиваются стремительно. Севастополь был окружён с суши, блокирован с моря, в небе господствовала немецкая авиация. Чрезвычайно трудно было подвозить боеприпасы. Прорывавшиеся к осаждённому городу подводные лодки и корабли могли подвезти гораздо меньше, чем советским войскам требовалось для ведения боёв. К 29 июня 1942 года гитлеровцы захватили Мекензиевы горы, Инкерман, Максимову дачу, Сапун-гору. Защитники Севастополя отходили на мыс Херсонес.

4 июля 1942 года вышел номер газеты «Правда», в котором целая колонка была посвящена Севастополю. В статье, в частности, было сказано: «...Бойцы, командиры и раненые из города эвакуированы...». Совинформбюро сообщило, что 3 июля советские войска оставили Севастополь. На самом деле, защитники города его не оставляли, не было плановой эвакуации и некуда было отходить. Севастополь пал...

По данным различных источников на мысе Херсонес могло остаться более 70 тысяч человек, хотя точную цифру никто и никогда не назовёт. Бойцы и командиры остались на мысе Херсонес, большая часть из них попала в плен. Огромная колонна пленных шла из уже захваченного немцами Севастополя. Шёл в этой колонне и старший лейтенант Кубарский Б.А.

О том, что происходило в эти героические 250 дней и о том ужасе и унижениях, которые пришлось испытать нашим бойцам и командирам в немецких концлагерях и после освобождения из них, пишет Борис Александрович.

В плену Кубарский длительное время находился в одном лагере вместе с участником обороны Севастополя – капитан-лейтенантом Матюхиным Алексеем Павловичем, который во время оборонительных боёв командовал 701-й батареей, расположенной на Малаховом кургане. Между двумя советскими офицерами, артиллеристами сложились доверительные отношения. Борис Александрович восхищался мужеством и стойкостью Алексея Матюхина в плену. И в своих воспоминаниях Кубарский рассказывает об этом, а также о трагической судьбе Матюхина Алексея Павловича.

Воспоминания Кубарского Б.А. интересны и содержательны, ведь они написаны непосредственным участником этих событий. Очень ценно и то, что в них выражена точка зрения представителя среднего командного звена.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

*... Культура нации характеризуется тем,  
Как хорошо она знает свою историю...  
... Дикость, подлость и невежество  
не уважает прошедшего, пресмыкаясь  
перед одним настоящим...*

*А.С. Пушкин*

*Нет достоинства и чести, не испытанных  
недостоинством и бесчестьем.  
Достоинство, не подвергшееся опасности унижения,  
честь, не поставленная на карту, не вставшая над  
пропастью малодушия – ещё не достоинство  
и не честь.*

*Д. Гранин*

РОДИНА МОГЛА ОБОЙТИСЬ БЕЗ НАС,  
НО МЫ БЕЗ НЕЁ ОБОЙТИСЬ НЕ МОГЛИ.

**Б.А. Кубарский**

**краткий автобиографический очерк**

**июнь 1941 – декабрь 1945**

*Памяти прадеда моего, И.Р. Шмах, – фельдфебеля **64**-го  
пехотного Казанского Его императорского высочества великого  
князя Михаила Николаевича полка – защитника Севастополя в  
**1854 – 1855** годах в районе горы Гасфорта, и моих однополчан по  
**134**-му ГАП, павших и замученных в плену, посвящаяю.*



Под Севастополем, на Мекензиевых горах, на 17-м километре Симферопольского шоссе сооружён мемориал защитникам Севастополя – погибшим воинам 134-го гаубичного артиллерийского полка, оказавшегося в жестокие июньские 1942 года бои на пути главного удара немцев.

В этих боях более девяноста процентов личного состава полка полегло смертью героев.

Мы – живые – в вечном Долгу перед погибшими, перед высотой их Духа, перед их отчаянной решимостью драться.

В июне 1939 года в 10 классе средней школы города Усолъе-Сибирское я сдавал выпускные экзамены. Однажды, секретаря комитета комсомола школы Олега Демичева и меня, его заместителя, вызвали в Райком комсомола. Секретарь Райкома провёл с нами беседу, в результате которой мы с Олегом вместо института подали документы в военное училище. Так я стал на два года курсантом 2-го киевского артиллерийского училища.

1 мая 1941 года, как и в прошлом году, после участия на Крещатике в параде войск, 2-е КАУ выехало в летний лагерь, располагавшийся в броварском лесу. Оставалось три последних месяца учёбы, в августе – госэкзамены и присвоение воинских званий, в сентябре – отпуск и к октябрю – явка в назначенную часть на службу. Но во второй половине мая размеренный ритм жизни выпускников училища был нарушен. На боевые отчётные стрельбы нас подняли по тревоге, экзамены прошли в ускоренном темпе, нам выдали «приданое» – зимнее и летнее обмундирование и постельное бельё, уместившееся в двух чемоданах.

Шёл июнь. Мы ждали на нас приказ НКО, томясь от ничегонеделания. Наконец он поступил, и я был выпущен из училища по первому разряду со званием лейтенант и назначением в 134-й гаубичный артиллерийский полк. В этот же полк был назначен выпускник параллельного взвода младший лейтенант Мирлян.

О причине досрочного выпуска толком нам никто ничего не объяснил. Для выпускников была дана лекция-наставление о нашем поведении в освобождённых западных областях и обзор международного положения, о напряжённой обстановке на границе и о нашем умении не поддаваться на провокации. На прямые вопросы о начале войны и с кем, прямых ответов не было.

14 июня мы с Мирляном приехали в Кишинёв. В комендатуре получили адрес зимних квартир полка и пошли представляться. На месте узнали, что полк выехал в летние

лагеря в ганчештский лес. На грузовой автомашине полка, идущей туда, к вечеру приехали в лагерь.

Переночевав в палатке у ребят прошлогодних выпусков 2-го КАУ, утром представились начальнику штаба полка капитану Чернявскому. Мирляна он послал в 1-й дивизион, а меня – во 2-й. Как оказалось, 2-й дивизион располагался лагерем у границы. Туда шла подвода второго дивизиона, и я на ней целый день ехал к месту службы. Погода была пасмурной, периодически небо брызгало дождевой пылью.

Командир второго дивизиона капитан Манзий определил меня в пятую батарею, а командир пятой батареи старший лейтенант Мезенцев Михаил Семёнович назначил меня командиром первого огневого взвода и старшим на батарее, приказав принять взвод с его снаряжением от младшего лейтенанта Мусиенко. День ушёл на сдачу-приёмку имущества, артпарка, лошадей.

Дивизион располагался у подножия холма, у западного конца села – бывшей немецкой колонии Стрембень – совершенно пустом. Красноармейцы и младшие командиры питались в столовой лагеря, а командный состав должен был ходить в комсоставскую столовую в село Онешты. Поскольку стояла дождливая погода, то была грязь, и такая, что мне, сибиряку из района с песчаной почвой, была в диковинку. Ведь надо же, плотно сидящие на ногах хромовые сапоги засасывались грязью и стаскивались с ног. Оттого дорога в столовую казалась нескончаемой.

Днём 17 июня я проводил занятия с бойцами, а вечером заступил дежурным по дивизиону. Помощником у меня заступил инструктор химслужбы дивизиона старший сержант Смахтин. Вечером, после ужина, весь дивизион выехал к границе для оборудования боевых порядков дивизиона. К рассвету дивизион вернулся в лагерь.

Спустя день у нас началось тактическое учение совместно со 161-м стрелковым полком 95-й молдавской стрелковой дивизии, в которую входил и наш полк. Длилось учение почти три дня, и дивизион вернулся в лагерь в субботу 21 июня поздно вечером, когда уже наступили сумерки. Командир дивизиона капитан Манзий, учитывая, что мы порядком вымотались на учении, приказал смазать каналы стволов гаубиц пуцсалом и отдыхать до десяти часов утра, с тем, чтобы после подъёма вычистить и орудия, и лошадей.

Было ещё темно, когда сигнал «Тревога» поднял нас на ноги. Шестёрки лошадей были быстро запряжены в орудия. Все три батареи были готовы к движению. Я думал, что это очередная учебная тревога. Кто-то, вероятно посылный, прискакал в центр площадки лагеря. Манзий вскочил на

коня, и они ускакали. Минут через десять он вернулся, скомандовал:

- Командиры, ко мне! На границе беспокойно, возможны провокации, батареям занять подготовленные боевые порядки немедленно!

Дивизион побатарейно вытянулся походной колонной по дороге к реке Прут, к границе. Когда проехали село Онешты, стало рассветать. По колонне прошёл сигнал «воздух», мы рассредоточились от дороги влево и вправо. В сумеречном ещё небе над нами прошли на восток более десятка бомбардировщиков.

Четыре орудия нашей пятой батареи мы установили в подготовленные заранее орудийные окопы на огневой позиции в трёх километрах южнее деревни Ивановка, под большими раскидистыми деревьями грецкого ореха. Я построил «веер» и доложил командиру батареи старшему лейтенанту Мезенцеву о готовности батареи к бою.

Полностью рассвело. С той стороны, из-за Прута, над нами летели снаряды и рвались сзади нас на другой стороне долины, на высоте. Мезенцев со своего наблюдательного пункта сообщил по телефону, что видит на румынской стороне скопление войск, их интенсивное движение и подготовку к переправе, однако приказано было огнём не отвечать, возможно, это провокация. Лишь где-то к полудню разрешено было открыть огонь по видимым целям. Открыв огонь, Мезенцев вёл его, с небольшими перерывами, весь день. О том, что происходит на Пруте, я мог судить лишь по командам Мезенцева. Были разбиты две наведённые румынами переправы, затем он вёл огонь по скоплениям пехотных частей, подбил несколько автомашин с солдатами, уничтожил отдельные группы противника, сумевшие сквозь артогонь переправиться на наш берег. К концу дня, в **20.00** весь боекомплект – **240** снарядов – был израсходован.

Командиром второго огневого взвода был младший лейтенант Антон Рак, высокий худощавый блондин с пшеничного цвета усами. На огневой позиции находился и заместитель командира батареи по политчасти политрук Джмилъ, впоследствии, когда был введён институт комиссаров, ставший комиссаром батареи.

На другой день, уже с рассветом, Мезенцев начал вести огонь, и так весь день с небольшими перерывами. Бойцы орудийных расчётов утомились. Наш гаубичный снаряд весит двадцать один килограмм четыреста грамм. Каждый нужно обработать, обработать нужно и гильзы с зарядами перед заряданием, прибывающие автомашины быстро разгрузить, ящики со снарядами вскрыть и снаряды

рассортировать по типу взрывателя и по плюсам и минусам (по отклонениям веса). Утомился и я. Между орудиями по тридцать метров, фронт батареи – девяносто метров, целый день пришлось подавать громким голосом команды, чтоб у всех орудий чётко их слышали и одновременно вести запись всей стрельбы, расчёты на довороты стволов и т.д. в записной книжке.

Стрельба Мезенцева была успешной. Румыны снова не смогли преодолеть Прут массой. А все отдельные группы, пытавшиеся захватить плацдарм на нашем берегу, уничтожались снарядами, нашей пехотой и пограничниками. За быстроту и точность исполнения команд, скорострельность Мезенцев объявил личному составу орудий благодарность.

Последующие дни прошли в напряжённой работе у орудий при стрельбе. Мезенцев бьёт по целям на очень широком фронте, так, что между крайней левой и крайней правой целями угол более ста двадцати градусов.

На огневую позицию привезли каски, автомат ППД. Все надели каски, но потом сняли – тяжела и неудобна.

Летает самолёт-разведчик «Хеншель-126», но нас пока не может обнаружить. Орудия стоят в глубоких окопах под кроной могучих орехов и закрыты масксетями.

**26** июня Мезенцев приказал мне лично с одним орудием каждую ночь кочевать и вести имитацию батареейной стрельбы, чтобы создать видимость насыщенности у нас артиллерии, передав координаты целей противника. К вечеру четвёртое орудие, снявшись с позиции, пошло за мной к первой из стоянок, которые заранее были мною намечены на карте. Приведя орудие к бою, подождал, когда стемнеет, чтобы лучше было видно противнику зарево выстрелов, и открыл огонь, имитируя стрельбу батареей. Через полчаса повторил стрельбу, но по другой цели, затем скомандовал «отбой» и поехал на следующую позицию. И так всю ночь. С рассветом орудие вернулось на батарею, и она днём вела огонь в полном составе. Вечером же снова в путь с другим орудием. За это время я так устал, что, вернувшись однажды перед рассветом на батарею, уснул на земле, как убитый, не слышал предрассветного грозового ливня. А, проснувшись, обнаружил, что сплю в меже, полной воды.

---

Из политдонесения 95 СД отделу политпропаганды  
35-го СК о действиях артиллеристов

23.06.1941 г.

«... слаженно и чётко работают орудийные расчёты 2-го дивизиона 134 ГАП, которым командует капитан коммунист т. Манзий. Так, 22.06 с 16 до 20 часов орудийным огнём дивизиона было разогнано скопление моточастей противника у с. Грозешты, готовившихся к переправе через реку Прут. Уничтожено до полуроты. Разрушено три переправы и подбито у Леушен 6 пушек противника, которые готовились к переправе...».

Архив Министерства обороны СССР  
Фонд 904, опись 641617, дело 4, лист 16

24.06.1941 г.

«... следует отметить высокую организованность и дисциплину, слаженность в работе и хорошую выучку артиллерийских подразделений, уничтожающих быстро и без промаха организуемые противником переправы...».

Там же, листы 44 – 45

---

Всё же воздушному разведчику, безнаказанно летавшему, удалось определить позицию нашей батареи и 29 июня артиллерия противника открыла сильный артогонь по нашей огневой позиции. Потерь батарея не понесла. Затем противник, проведя полуторачасовую артподготовку по позициям 2-го батальона 161 СП, устремился с понтонами к реке. Мезенцев открыл губительный огонь по идущей переправе. Чтоб подавить нас, заставить орудия замолчать, противник вновь обрушил артогонь на нашу огневую позицию. Под огнём мы продолжали работать, и Мезенцев разбил переправу, уничтожил и рассеял скопившуюся для переправы пехоту и помог 2-му батальону сбросить в реку переправившихся румын. Рассредоточенность орудий, хорошо оборудованные орудийные окопы, расположение их на кромке ската, да счастливая случайность не принесли батарее потерь. Но с наступлением темноты Мезенцев приказал младшему лейтенанту Антону Рак занять со своим вторым огненным взводом огневую позицию у деревни Ивановка, а мне с первым взводом перейти на позицию на два километра севернее по этому же скату. В течение ночи были открыты орудийные окопы и щели для укрытия расчётов, а также снарядные окопы. Всё это было сделано к рассвету.

Уже с утра, до завтрака ещё, мы вели огонь. Огневая позиция была на кукурузном поле и единственной маскировкой была маскеть, так что при ведении огня нас с воздуха было видно хорошо, и авиаразведчик пристрелял нашу огневую позицию. В результате в течение дня шла дуэль. Едва Мезенцев открывает огонь по румынам, как на нашу огневую начинают сыпаться снаряды противника. Тогда Мезенцев ведёт огонь вторым взводом, а мы вынуждены прыгать в щели и пережидать ураган огня: снаряды рвутся кругом орудий, между орудиями, ужасающий грохот разрывов, удушливый газ взрывчатки, пыль, комья земли, падающие на наши спины – вот это артналёт!!! Едва прекращается, я командую бойцам:

- Взвод, к бою!

И связисту с телефоном, для Мезенцева, – артналёт окончен, взвод к бою готов!

- Потери есть? Матчасть цела? – спрашивает Мезенцев.

- Потерь нет, взвод к бою готов, – повторяю я.

Расчёты занимают свои места у орудий, мы продолжаем вести огонь, пока противник снова не обрушивается на нас снаряды. Так на протяжении всего дня. И вот удивительное дело – пронесло: ни одного раненого, орудия целы, лишь

сгорело несколько гильз с зарядами, взорвалось несколько снарядов, которые, сгрузив с машины, не успели перенести в снарядные окопы, да две телефонные катушки искромсаны.

К концу дня все бойцы и я, в том числе, просто отупели от такого нервного напряжения.

Когда стало смеркаться, комбат Мезенцев приказал мне перейти в Ивановку ко второму взводу. Едва орудия были взяты в передки и отъехали метров двести от огневой, как на неё был сделан очередной артоналёт. Но что это? Противник сделал доворот, снаряды уже рвутся там, где только что мы проехали. Командую «в карьер» и опять противник делает точный перенос огня на дорогу, но запаздывает. Кто в изрядные уже сумерки корректировал? Эта загадка для меня осталась загадкой неразгаданной.

Три дня противник активных действий не предпринимал и комбат Мезенцев вёл методический огонь. 3 июля в 23 часа в двух километрах севернее Решешты румынские солдаты начали наводить переправу. Мезенцев, а вместе с ним командиры 4-й и 6-й батарей, сосредоточив огонь в район переправы, разбили её. 4 июля снова, теперь уже южнее села Коту-Морий, попытка навести переправу была ликвидирована точным огнём батареей 2-го дивизиона.

14 дней 161 полк и поддерживающие его 1-й и 2-й дивизионы 134-го ГАП пресекали на своём участке все попытки врага перейти границу. Поэтому непонятен был вначале приказ сниматься 5 июля с позиций и отходить на восток в район Бужору-Лапушна. Как после мы узнали, отход был вынужденным, так как немецко-румынские войска прорвали оборону на севере в районе Унген и, развивая успех, создали угрозу окружения дивизии. С этого времени бои приняли подвижной характер, нам пришлось часто менять огневую позицию.

7 июля батарея рассредоточена, шагом двигалась на восток. Второй взвод поднялся на холм, а первый ещё тянулся по склону. Вдруг два мессершмита на бреющей высоте из-за холма один за другим пошли на нас в атаку, в лоб. Едва успел крикнуть – «Воздух!» Бойцы от орудий с лошадьми кинулись в кюветы. С воем и пулемётной стрельбой пронеслись мессеры и легли в глубокий вираж на второй заход. Я скомандовал, чтоб все, лёжа, при входе самолётов в пике, открыли из винтовок огонь. Едва первый мессер над холмом стал заходить на нас, бойцы открыли огонь. Передний мессер взорвался, второй с рёвом отвалил и удрал. Нам повезло. Убитых, раненых нет, орудия целы. У одного орудия лишь кромка щита отколота, а вот лошади пострадали – несколько убитых и раненых. Лошадей перепрягли и орудия вытянули

на холм, на обратном скате которого заняли новую огневую позицию.

Бойцы сходили к сбитому мессеру, принесли парашют и разрезали его на шёлковые платочки. Сходил и я посмотреть. Из искорверканного фюзеляжа, из кроваво-красной бесформенной груды, что было полчаса назад лёгчиком, торчали два сапога с голенищами без морщин, и над этим уже витал тошнотворный смрад разложения.

Вероятно, сон на земле в дождевой ванне на фоне переутомления не прошёл мне даром. Вечером я почувствовал озноб. Попросил Антона вести стрельбу. Возможно, я подцепил малярию либо острый нефрит. Ночь и день меня лихорадило. Вечером опять смена огневой позиции. Ужинать я не хотел, напился лишь горячего чаю и, плотно укрывшись, заснул в кустах, в трёх десятках шагов от орудий.

Разбудил меня комбат Мезенцев. Сияла полная луна, стояла тишина, а батареи не было. Я с трудом медленно приходил в себя. Оказывается, комбат приказал в полночь срочно сменить позицию. В спешке меня не хватились, а Мезенцев, зная, что днём я болел, поинтересовался моим состоянием. Узнав, что на новой позиции меня нет, он с ординарцем прискакал и разыскал меня. Пока мы ехали, он ругал меня, что я мог запросто стать добычей румын и отправил меня в нашу полковую санчасть.

Два дня меня лечили, температуру сбивали, но в голове от таблеток стоял туман. На третий день я потихоньку рванул из санчасти. На попутных машинах со снарядами доехал до передовой. Нашёл с трудом огневую позицию своей батарее и включился в работу. Крепкий мой организм справился с болезнью, но всё же с неделю ещё в голове стоял дурман.

Ведя оборонительные бои и медленно, по приказу, отступая, рано утром на рассвете 15 июля я установил батарею у села Яловены на кукурузном поле, справа от шоссе. На том месте, где тогда стояли орудия, сейчас выстроена молочная ферма. Здесь впервые батарея встретила прорвавшегося противника огнём прямой наводкой. С утра с начала боя мы вели огонь. Судя по прицелу, противник теснил нашу пехоту и продвигался. Около полудня связь с наблюдательным пунктом прервалась. Ушли на линию два связиста и не вернулись. Связи нет. По звуку ружейно-пулемётной перестрелки бой идёт недалеко за высотой. Послал ещё двух бойцов по линии связи. Скомандовал у всех шрапнельных снарядов (а их было всего по двенадцати штук на орудие) трубку установить на картечь и выложить их с

зарядами у орудий. Прибежали посланные на исправление связи:

- За высотой румыны, а наши пехотинцы отходят!

Стихшая было перестрелка, усилилась, а потом резко оборвалась. Из кукурузы на огневую выскочило несколько ошалевших пехотинцев, они пробежали дальше в тыл. В бинокль я увидел, как на высоту вышли румыны, и, задержавшись на несколько секунд, ринулись с высоты на батарею. До них было метров триста. В воздухе запели пули и стали цокать по щитам орудий. Бойцы стянулись под защиту щитов орудий и все, как одно лицо, уставились на меня. Тут я, вдруг, ощутил, что коленные чашечки мои прыгают. Позор и стыд – пронеслось в голове, и я глянул на свои колени. Обтянутые галифе, они были неподвижны, и я скомандовал огонь картечью.

Первым выстрелил наводчик орудия Зубов, вторым Уваркин, затем остальные. Орудия заработали в бешеном темпе. Первые же выстрелы снесли румын, как ветром, остановили их и положили. Кончились шрапнельные снаряды. Скомандовал огонь осколочными. Расчёты продолжают работать в бешеном темпе. Переносу огонь на кромку высоты, за высоту и снова на передний скат, опять на кромку, на высоту. Дым, пыль заволокли высоту, ничего не видно.

Слева – сзади на шоссе появилась колонна нашей пехоты, развернулась в цепь и пошла вперёд, на высоту. Продолжаю вести по высоте огневое заграждение. Прибежал посыльный от пехоты с просьбой не стрелять. Перенёс огонь за высоту дальше вглубь. Через несколько выстрелов на батарее кончились снаряды. Смотрю в бинокль – наши пехотинцы вышли на высоту.

Прискакал начальник разведки полка капитан Майборода, спросил:

- Почему прекратили огонь?

- Кончились снаряды.

- Отбой, следовать по шоссе к Кишинёву.

Когда во главе батареи я пересёк Яловенскую долину и поднялся по её склону, то увидел у шоссе командира полка майора Шмелькова и военкома полка батальонного комиссара Коновалова. Доложил командиру полка, что пятая батарея находится на марше, а военком с улыбкой сказал:

- Ну, как, казак?

Я не нашёлся, что ответить, а он, поблагодарив, сказал:

- Езжайте, там вас ждёт комбат с обедом.

Комбат и кухня нас действительно уже ждали. Мезенцев рассказал, что связь с его НП оборвалась, так как он был полуокружён с тыла и выходил с НП круглой дорогой.

Взяв в котелок обед, я отошёл и присел за копной. Обедая, я размышлял, что значит вопрос военкома: «Ну, как, казак?». И ещё меня беспокоило, как я выглядел в этом бою, не было ли выражения растерянности на моём лице. С другой стороны копны сели обедать два бойца-огневики. Не видя меня, они повели разговор о прошедшем бое, и, не зная того, дали ответ на волновавший меня вопрос. Помянув мою молодость, отметили, что я вёл себя хладнокровно и командовал споро, их оценка пролилась бальзамом на мою душу. А позже я узнал, почему комполка с военкомом улыбались, когда я им рапортовал: они с холма всё видели, считали батарею на краю гибели. И это был первый бой батареи прямой наводкой.

Дальше мы, пообедав, шагом, минуя Кишинёв, отошли и вечером заняли ОП в районе села Пугой. Последующие четыре дня шли арьегардные бои, мы закапывались ночью, подняя стреляли, отходили и опять всю ночь закапывались. Это сильно изматывало.

20 июля мы по мосту у города Бендеры перешли на левый берег Днестра. После села Яловены карта кончилась, нового листа мне не хватило, поэтому Мезенцев обычно либо поджидая нас, либо идя вместе с нами, указывал рукой район огневой позиции. Интересным было то, что я, сдав своё направление из 2-го КАУ в штаб полка, ничего не получил и фактически был человеком без документов.

Возможно, мои воспоминания страдают сухостью изложения, отсутствием, так сказать, поэзии боёв. Но, в-первых, я был старшим на батарее и, следовательно, неотлучно находился на огневой позиции. А огневая позиция гаубичников, как правило, «закрытая», то есть располагается на обратных скатах высот, в долинах и т.д. и непосредственно с неё разрывов своих снарядов не видно.

Во-вторых, 99% боя – это сухая проза. С моей точки зрения всё, что воины делают в бою, на войне – это работа. Специфичная, тяжёлая, грязная, но работа. До пота, до изнеможения, с ежесекундным риском отправления к праотцам.

Что требовалось от нас, артиллеристов, на огневой позиции? Точности и быстроты исполнения команд стреляющего, то есть командира батареи. В любое время дня и ночи, в любую погоду, вне зависимости от сна и пищи, под арналётом или бомбёжкой. И от этих качеств бойцов у орудий зависел исход боя собственно на передовой. Эта

хорошая работа была отмечена донесением, которое я встретил в двухтомнике «Молдавия в Великой Отечественной войне» под номером 33 и приведённым мною немного ранее.

На левом берегу Днестра, на старой границе, огневая позиция батареи была в районе сёл Красногорка – Малаешты. Здесь у нас забрали лошадей и вместо них мы получили тягу механическую – тягачи с кабиной и кузовом на базе трактора СТЗ НАТИ-5.

Когда ещё до занятия батареями боевых порядков командир дивизиона Манзий собрал весь комсостав дивизиона и проводил с нами рекогносцировку местности, то шли разговоры, что теперь от старой границы не пойдём ни шагу назад, здесь будем стоять насмерть и отсюда пойдём в наступление.

Неделю мы стояли на этой огневой позиции и вели огонь по противнику, а затем начали опять отходить. И если до этого времени ещё жила в душе надежда на скорый перелом в ходе боёв в нашу сторону, то теперь я почувствовал, что это, похоже, будет не скоро. В очередной раз меняя боевой порядок, комбат вёл батарею по просёлочной дороге, находясь в кабине тягача первого орудия, а я – в последнем, четвёртом. Дорога спустилась немного вниз, мы проскочили маленькую деревушку и покатали по равнине меж высокой кукурузы. Приближались сумерки. Вдруг мотор тягача стал давать перебои. Мы остановились: кончился лигроин. Подошёл Мезенцев.

- Почему встали?

- Кончилось горючее.

- В остальных тягачах горючее тоже на исходе. Лейтенант, оставайтесь с орудием, ждите, я пришлю горючее!

- Оставьте со мной по одному человеку, – приказал я командирам 1-го, 2-го, 3-го орудий. Комбат уехал, я поднялся в кузов тягача и осмотрел местность. По обе стороны от дороги в направлении нашего движения виднелись сёла, приблизительно в километре от нас. Отправил туда бойцов с приказом достать у жителей хотя бы по литру керосина и бегом назад. С оставшимся расчётом отцепили гаубицу и, на всякий случай, привели к бою. Бойцы сели на станину и устроили перекур, а я снова влез на кузов и стал посматривать то в сторону бойцов, бегущих за керосином, то назад, откуда мы ехали. Смеркалось. Было тихо. Но вот сзади раздались выстрелы и стихли. Действующих лиц в бинокль я не видел, но продолжал осматривать в том направлении местность. Бойцы, вижу, без моей команды стали по местам, на лицах напряжение и тревога. И вот я увиделдвигающееся по дороге

к нам отделение румын. Что делать? Оглянулся на сёла, но бойцов с керосином не видно. Вероятно, румыны заметили кабину тягача и меня и открыли огонь. Скомандовал прицел и огонь. Недолёт. Ещё два снаряда корректировки и беглый огонь. Румын не вижу, поднялась пыль, орудие продолжает бить беглым, благо снарядов полный кузов. И тут я разволновался, с керосином ли прибегут посланные бойцы, найдут ли его? Когда румыны поймут, что мы одни, то обнаглеют и худо нам будет. Сумерки сгущаются, в бинокль уже плохо видно. Остановил огонь. Звякнула о станину выброшенная гильза, и стало тихо-тихо. Стараюсь увидеть и услышать противника и слышу топот – это бегут бойцы с керосином. Несколько литров керосина заливают в бак.

В том направлении, куда нам ехать, слева от дороги выстрел и поднялась белая ракета, несколько секунд позже – то же справа. Стою остолбенело: неужели окружены? Командую разворот орудия на 180 градусов и беглый огонь в районы ракет. Отбой! Орудие быстро на крюк тягача, личное оружие к бою и на тягаче – 35 км/час – вперёд! Трактор ревет и это хорошо – пусть думают, что танки. Слева и справа на звук тягача из кукурузы выстрелы трассирующими пулями, неприцельные, с опозданием. Похоже, что румынские разведчики не успели сойтись на дороге и из высокой кукурузы нас плохо видели. Вспыхнула осветительная ракета, но уже сзади метров двести. Вырвались благополучно.

Продолжаем с боями отходить. Очередную огневую позицию установил на обратном скате пологого холма в кукурузе. Карты у меня всё ещё нет, место это показал ночью, перед рассветом, Мезенцев. Начали оборудование огневой позиции, рассвело, прибыл завтрак. Часов в 10 – 11 послышались звуки боя, Мезенцев стал подавать команды. Едва лишь я продублировал команды, как Мезенцев, по сообщению связиста, стал проявлять нетерпение и беспокойство. Надо сказать, что когда командир батареи на наблюдательном пункте начинает подавать команды, то связисты обязаны их дублировать дословно. И вот вдруг мы слышим:

- Огонь! Быстрее огонь, ... вашу мать!!!

Если уж Мезенцев стал сыпать неуставными командами с непечатными словами, то дело на передовой худо. Вижу, что у первого правофлангового орудия какая-то заминка. Кричу командиру орудия:

- В чём дело?

- Нет наводчика Уваркина.

- Как нет?

- Нигде нет. Никто не знает, где он, никому ничего не говорил.

- Сам становись к панораме, – приказываю я командиру орудия.

Наконец первое орудие дало выстрел, Мезенцев провёл пристрелку и перешёл на беглый огонь батареей по пехоте противника.

Смотрю, от третьего орудия, вдоль фронта батареи, мимо меня идёт Уваркин, заспанный и улыбающийся.

- Бегом к орудию! – кричу я ему, а он продолжает идти вразвалку и говорит:

- Успею, лейтенант.

Я вытаскиваю пистолет и снова кричу:

- Бегом к орудию, пристрелю!!!

Уваркин подошёл ко мне и говорит:

- Да, ладно, лейтенант! – И перегар из его рта достиг меня. Тут я ему врезал рукояткой по щеке, правда, не очень сильно, но ссадина появилась. Я взвёл затвор пистолета в боевое положение и направил на него. Он побледнел, глянул мне в глаза и побежал к своему орудию. Вели мы стрельбу не более получаса, но в сумасшедшем темпе, а затем Мезенцев приказал:

- Отбой! Не выезжать на дорогу, меня не ждать, прямо по кукурузе низом балки быстрее уходите!

Потом уж он сказал, что мы очутились в мешке и если бы выехали на дорогу, то нарвались бы на противника, прямо в его лапы.

Выскочив из мешка и оторвавшись от противника, мы остановились в одном из сёл. Подходит ко мне санинструктор батареи фельдшер Борисюк и говорит:

- Товарищ лейтенант, будьте осторожны. Уваркин плачет и грозит Вас пристрелить.

- Ладно, всё равно война – ответил я.

Оказывается, водители тягачей где-то по дороге прихватили спирт и угостили им в завтрак Уваркина. Было солнечно, жарко, его разморило, и он уснул в кукурузе за четвертым орудием и проснулся от шума стрельбы. В дальнейшем я стал замечать, что Уваркин стал дерзить, то есть искать конфликта. Но я решил не обращать на это внимания. Позже, в плену, он мне сам сознался, что сперва, сгоряча, с обиды хотел убить меня, потом стал задираться, а затем понял, что был не прав.

Утром 10 августа я развернул огневую позицию на арбузной бахче севернее села Гильдендорф (С 1945 года – село Красноселка Коминтерновского района Одесской области. Прим. издателя). Мезенцев часов в 10 начал вести стрельбу, которая продолжалась с небольшими перерывами почти весь день. Вечером я решил помыться, отмыть весь пот и пыль последних недель и пошёл с несколькими бойцами к Куяльнишскому лиману, берег которого находился слева от батареи, за посадкой, в 300 – 400 метрах. Разделся, вошёл в воду и усердно намылил голову. Но, странное дело, мыло не стало мылиться, и волосы слиплись, как будто смазанные салом. Пришлось нам выходить из воды, одеться и идти на батарею отмывать головы пресной водой. Вода лимана оказалась солёной.

11 и 12 августа были относительно спокойными, Мезенцев стрелял не часто и мы, в перерывах между стрельбами, продолжали инженерное оборудование ОП – углубляли орудийные окопы, ниши для снарядов, щели укрытия до полного профиля.

16 августа Мезенцев объявил личному составу огневых взводов благодарность за быстроту и точность исполнения его команд. Он обнаружил идущие к селу Кубанка три танка противника и один подбил, а два вынудил уйти назад. Построив огневые взводы, я огласил перед строем благодарность и вручил четырём наводчикам орудий пачку в 100 штук папирос «Театральные» – мой комсоставский паёк.

Кругом бахча. Арбузы... Арбузы... Арбузы, но, увы, не созрели ещё.

19 августа послышался сильный артиллерийско-миномётный огонь противника. Попросил связиста у телефона: – Узнай, что там?

Он спросил и говорит: – Бьёт по нашей пехоте. Вслед за этим Мезенцев скомандовал открытие заградогня, а затем перешёл на стрельбу залпами и беглым, часто меняя прицельные установки и требуя убыстрения темпа огня. В середине дня Мезенцев перешёл на запасной НП, оставив на основном командира взвода управления – младшего лейтенанта Цвиркуна Степана Викторовича, который продолжал ведение огня по наступающим румынам, вклинившимся в боевые порядки нашей пехоты и сообщил, что несколько танков прорвались в тыл 54-го стрелкового полка.

Для упреждения возможного выхода танков на огневую позицию нашей батареи я приказал командиру 2-го огневого взвода младшему лейтенанту Антону Рак встретить танки огнём прямой наводкой орудия на подходе к ОП. Он

забрал одно орудие, уехал с ним вперёд и стал на удобную позицию сзади боевых порядков пехоты. Едва орудие было установлено, как из посадки впереди вышли четыре танка с ротой пехоты противника. Наводчик орудия И.И. Карпов, работая хладнокровно и предельно быстро, стал бить по танкам. Они быстро развернулись и скрылись в посадке. Так доложил мне младший лейтенант Антон Рак. Действия мои Мезенцев одобрил.

Помню, что на этой НП я ходил к начфину получать жалование. Начфин на ОП не пришёл, а расположился в посадке, на краю бахчи, не доходя до ОП батареи **300 – 400** метров. Все к нему ходили по очереди по несколько человек. Всё моё жалование делилось на аттестат матери, суммы перевода тётке Бандаковой, находившейся в эвакуации с двумя малышами, Лёней и Борей, суммы перевода в Фонд обороны и небольшой толики – на руки. Пишу об этом подробно, потому что чётко и ясно это помню. А как получал в остальные месяцы – не помню.

В ночь на **20** августа мы встали на ОП южнее села Гильдендорф.

Ночью на **21** августа Мезенцев снял батарею и направил в район между лиманами Хаджибейским и Куяльницким. Огневая позиция опять на арбузной бахче, северо-восточнее села Августовка.

Едва стали на огневую позицию, как с утра Мезенцев открыл интенсивный огонь.

В течение трёх дней противник отчаянно атаковал, и Мезенцев вёл стрельбу с утра до ночи. Командир взвода управления Цвиркун находился на передовом НП, в боевых порядках пехоты, **24** августа был ранен и отправлен в госпиталь. На его место Мезенцев назначил Антона Рак. Я остался без помощника, временно назначил на **2-й** огневой взвод старшего сержанта Черенько и стал учить его работе командира огневого взвода.

Наконец, арбузы стали поспевать и бойцы утром, по холодку, выберут спелые в плащ-палатку, приволокут, уложат в окопы в тень, и потом целый день, когда нет стрельбы, на батарее слышен хруст и чавканье.

Это привело к конфликту. Повар батареи Чашкин, который, надо сказать, готовил пищу очень вкусно, однажды приехал с кухней на огневую позицию и пригласил получить обед. Я посмотрел – чудесный борщ, отличное рагу с тушёным картофелем, прекрасный компот, но... желудок до горла переполнен арбузами, которые я с хлебом уминал весь день – есть совершенно не хотелось. Обед взяли лишь

несколько человек, Чашкин спрашивает бойцов, почему не берут, может, не нравится? Нет, говорят, нравится, только есть не хочется.

Подождал, подождал Чашкин, закрыл котлы и уехал. А через полчаса Мезенцев вызывает меня к телефону и спрашивает, что за забастовка на батарее? Пришлось объяснить. Выслушал он и говорит:

- Тут, на НП, бахчи нет, так ты приготовь к ночи пару плащ-палаток хороших арбузов и ночью отправь их мне.

- Вы будете испытывать неудобства, так как жидкость просится наружу, каждый час приходится освобождаться, а на НП это затруднительно из-за маскировки, – посочувствовал я ему.

- Ничего, – отвечает – приспособимся.

В дальнейшем, пока стояли на этой ОП, я ему регулярно отправлял арбузы.

Но настал день, когда с этой ОП Мезенцев приказал уйти назад, и в течение нескольких дней было ералашное смыкание то назад, то вперёд.

Вот интересный случай. На одной из ОП мы ведём огонь, и вдруг связь оборвалась. Естественно, стрельба орудий прекратилась. Посылаю по линии связи связиста вперёд. Прибегает он возбуждённый, побледневший, еле дух перевёл и рассказал, что шёл он по линии связи, провод скользил в руке, кругом густая кукуруза выше головы, и вдруг столкнулся нос к носу с румынским солдатом. Оба онемели, развернулись кругом и дали дёру друг от друга.

Прибежал Мезенцев с разведчиками, запыхался.

- Отбой! Быстрее по ложине назад, я встречу. А тут и пулемёт недалеко справа спереди застучал: ду-ду-ду-ду... Лихорадочно подцепили орудия на крюки тягачей и под пение пуль ушли. Встречает Мезенцев, садится в головную машину, едем дальше. Останавливаемся на скошенном поле.

- К бою! – командует Мезенцев, а сам с разведчиками побежал назад в сторону противника и связисты за ним, разматывая катушку кабеля. Я быстро указываю каждому орудию его место, устанавливаю буссоль, считываю отметки буссолей по панорамам орудий, высчитываю угломер, командую каждому орудию и затем даю общую команду:

- Веер! – указываю точку наводки, записываю отметки по ней наводчиков каждого орудия и говорю связисту, который рядом со мной быстро копает окоп:

- Веер готов! – И тут же стали поступать от Мезенцева команды на стрельбу. Прицел **20!** Это всего **1 км!** Цель по



пехоте! Командую, вычислив в уме, каждому оружию доворот до основного на ширину поражающего действия снаряда.

Мезенцев, пристрелявшись, быстро переходит на беглый сериями по 4-6 снарядов. Доворот, прицел изменит – и опять серия беглым. Темп сумасшедший, да и команды опять сверхуставные:

- Шесть снарядов, беглый, огонь! Быстрее! – идут выстрелы на пределе скорости, а связист кричит:

- Быстрее, ... вашу мать...! Быстрее, б...!

Идёт бой недалеко, за возвышенностью, она полагая и пули залетают на огневую позицию, цокают по щитам орудий. Санинструктор со связистом залезли в неглубокий окопчик, успев вырыть его по пояс.

Санинструктор Борисюк, мужчина уже в годах, говорит мне:

- Товарищ лейтенант, я вынужден буду доложить начальству, что вы специально не идёте в укрытие, хотите получить лёгкое пулевое ранение, чтобы уйти с фронта.

Скомандовав очередную серию беглого огня, я повернулся к нему и возмущённо ругнулся:

- Какого чёрта Вам нужно? Как же я могу лезть в окоп, когда все бойцы стоят у орудий открыто? – Больше он ко мне не приставал.

Этот бой и наша сумасшедшая стрельба длились около часа, затем прицел стал увеличиваться, и поступила команда Мезенцева:

- Отбой! Вперёд! На старую позицию!

Приехали на эту огневую позицию, поставили орудия на старые места. Штабели снарядов, как оставлены, так и лежат. К ним румыны не успели и прикоснуться. А штабели были приличные, так как накануне везли снаряды на ОП машина за машиной.

Взял я с собой от каждого орудия по два бойца и повёл их смотреть нашу работу. Зашли на кукурузное поле, идём и видим: вот неглубокая воронка от осколочного разрыва нашего снаряда, а вокруг неё, в радиусе 5-10 метров валяется 5-7 трупов убитых румын. И так вокруг каждого разрыва нашего снаряда. Хорошо поработал Мезенцев, всё кукурузное поле усеяно трупами противника. Бойцы наглядно убедились в мощи гаубичного огня.

Спустя несколько дней мне было приказано взять с собой по два человека от орудия и прибыть к 12.00 в указанный район за расположение химзводов батарей дивизиона. Так и сделал. Там оказались ещё такие же делегации от 4-й и 6-й

батарей и командный состав дивизиона. Нас построили. Перед строем поставили инструктора химслужбы дивизиона Смахтина и зачитали приказ командира дивизиона капитана Манзия. В приказе указывалось, что Смахтину было приказано в тяжёлых условиях подвижных боёв помогать старшинам в обеспечении батарей продовольствием и фуражом. Оказалось, что Смахтин, имея грузовую автомашину и бесконтрольность действий, занялся мародёрством в оставляемых селениях, ездил в Одессу, продавал на рынках барахло, а деньги присваивал и переводил своим эвакуированным родственникам. Капитан Манзия приказал расстрелять Смахтина перед строем дивизиона. Назначенный красноармеец выстрелом в голову Смахтина убил. Труп Смахтина был положен в неглубоко вырытую яму, засыпан и заровнен замлём с камнями. Нам скомандовали по местам, и мы ушли на свои ОП.

Все наши тягачи приказом свыше у нас отобрали для переделки их в танки. Взамен водители батарей привели разнокалиберные тракторы.

Фельдшер Борисюк убыл в полковую санчасть, вместо него прибыл старшина Гончаров Яков Тимофеевич. Комиссар батареи политрук Джмилль стал комиссаром 2-го дивизиона, на его место прибыл политрук Лазов. С приходом Лазова на батарею стало веселее. У Джмилля всегда было сосредоточенное лицо, и человеком он был малоразговорчивым. Совсем другой был Лазов. Общительный, жизнерадостный, острый на язык – он быстро стал душой батареи и мы с ним, можно сказать, подружились. Чаше стал приходиться и больше проводить времени у нас на огневых позициях артмастер дивизиона – воентехник второго ранга Крутенко Алексей.

В последних числах августа Мезенцев пришёл на огневую позицию, забрал меня и ещё несколько человек красноармейцев, и мы отправились в посёлок базы МБР (морских бомбардировщиков) в Юго-восточном углу Хаджибейского лимана. Здесь мы, в строю, склонили головы перед гробом с телом начальника разведки 2-го дивизиона Уткевича, который погиб в ночном поиске за «языком».

Из посёлка гроб с телом был перенесён на кладбище, что справа от шоссе Одесса – Балта, и предан земле. Я с одним бойцом был оставлен, чтоб придать аккуратный, надлежащий вид могильному холму и установить пирамиду со звёздочкой.

В 1971 году я пришёл на это кладбище. Изменилось оно неузнаваемо. Жена смотрителя рассказала, что её свёкор, бывший тогда смотрителем, показал ей две могилы, где были захоронены воинскими частями погибшие осенью 1941 года. Фамилий она не знает, но показала эти могилы. Тогда, в 41-м,

могила Уткевича была на краю кладбища, а теперь эти могилы чуть не в центре. И холмик не такой, какой я сделал. Сходил я в городе в архив, но там постарались вежливо от меня отделаться незнанием.

Утром 1 сентября сзади огневой разорвался залп батареи противника, совсем близко, **50-70** метров. Неужели ОП известна противнику? Но как? Стоим здесь только сутки, ночью мы не стреляли, самолёта-разведчика не было. Неужели соглядатаи? Такие мысли крутились в голове, и я вылез из окопа и стал в бинокль смотреть, обшаривая местность. Затем помню удар по голове...

Очнулся. Фельдшер Гончаров Яков Тимофеевич шевелит губами. Постепенно сообразил, что я оглох. На голове повязка, кисти рук, пальцы перебинтованы. Гимнастёрка и галифе в крови.

- Что было? Напиши, – спросил я Гончарова, вытащил записную книжку, карандаш.

- Был ещё залп, Вас взрывной волной отбросило, осколок ударил по голове, рассёк кожу и немного поцарапал кость. Рана небольшая, сантиметра **4** и ранены кисти рук, но Вы контужены, были без сознания более **2-х** часов, надо идти в медсанбат.

- Убитые и раненые есть?

- Кроме Вас, нет.

Я встал. Голова болела, подташнивало. Сделал несколько шагов почти нормально. Руки болят, но все пальцы шевелятся. Плохо только что оглох, шум в голове и слабость. Но уходить нельзя: на батарее не останется командиров, а сержант Черенько только учится. И потом, думаю, контузия, – это ведь не ранение, – чепуха, и говорю Гончарову:

- С медсанбатом погодим, завтра видно будет.

По движению бойцов у орудий понял, что идут команды на стрельбу. Встал рядом с Черенько, дающим команды и ведущим запись их в записную книжку, проверяя его расчёт на довороты орудий. Всё правильно, нормально. Но я в напряжении, жду повторного налёта на батарею. Мы ведём огонь, а противник нас не подавляет. Почему? И в последующие дни налёта не было. Значит, эти два залпа батареи противника были случайными, безадресными.

На другой день приехала легковая машина командира полка.

- Командир полка приказал Вас отвезти в госпиталь, – сказал шофёр.

- Не поеду, – категорически отказался я.

Спустя несколько дней мы сменили ОП на километр вперёд. Приказано закопаться, Одессу не сдавать, подготовиться к зиме. Орудийные окопы и щели для расчётов мы уже выкопали. Велел сзади орудий выкопать глубокие траншеи на зиму. Морячка, старшину 1-й статьи Леонида Бондаренко, недавно прибывшего с пополнением, отправил в Одессу с заданием найти брёвна, камни для перекрытия окопов. С заданием он справился блестяще. Через несколько дней на батарею возчики на лошадях завезли гору длинных, полуметровых в диаметре брёвен и камни. И щели, и траншея для расчётов были перекрыты в два наката.

---

### НАГРАДНОЙ ЛИСТ

На КУБАРСКОГО Бориса Александровича,  
Командира огневого взвода **134** ГАП, **1921** года рождения.

*Краткое изложение*

*Представляется к ордену  
«Красного Знамени»*

**15.07.41** г. у села Яловены уничтожил прямой наводкой сотни фашистских гадов и дал возможность пехоте занять рубежи.

**26.07.41** г. оказался с одним орудием в окружении. Прямой наводкой расстрелял противника и вышел без потерь.

**01.09.41** г. ранен в голову. Отказался идти в госпиталь. Остался в бою.

Командир **134** ГАП

Шмельков

Комиссар

Коновалов

*Архив Министерства Обороны СССР  
Фонд ПА **288**, Описание **9913**, Дело **11**, Л. **695***

---

Для оборудования НП Мезенцева заготовили брёвна нужной длины, в одну из ночей НП углубили, сделали двойной накат с камнями.

После этого политрук Лазов высказал пожелание иметь на батарее красный уголок, благо брёвен ещё осталось порядочно. В **30** метрах сзади орудий бойцы по моей разметке выкопали красный уголок **4** на **4** метра, в трёх стенах которого были узкие проходы в каморки **2** на **1,5** метра. В них разместились: я с Лазовым, Крутенко с Гончаровым, Черенко с Каземировым – парторгом батареи. Весь этот комплекс перекрыли самыми толстыми брёвнами в два наката, слоем камней и сверху ещё метровой толщины землёй. В центре уголка для прочности поставили столб.

Приехал на батарею военком Коновалов, осмотрел наше хозяйство, похвалил и сказал, что будет посылать к нам с других батарей смотреть, как надо выполнять приказы.

Всё это время перевязки мне делал Гончаров. Постепенно слух частично восстановился, самочувствие несколько улучшилось. Гончаров всё же настаивал, чтобы я съездил в нашу полковую санчасть на осмотр.

Мезенцев разрешил, в один из дней я поехал со старшиной батареи Губернаторовым на базар – Привоз, чтобы купить лампочки на **1,5** вольта для освещения перекрестия панорамы при стрельбе ночью, а затем пойти в санчасть полка.

Привоз оказался многолюдным, шумным, многобарахольным. Это даже меня удивило: ведь война идёт!? Лампочки я нашёл быстро и купил. Меня заинтересовали продаваемые грампластинки. Я постоял, послушал и спросил женщину, их продающую:

- Нельзя ли вместе с пластинками купить и патефон?
- Отчего же? Можно, только если купите все пластинки, что у меня дома.
- А далеко это?
- Нет, недалеко.

Минут через **15-20** мы пришли. Пластинок оказалось много. Я отдал за всё запрошенные деньги и попросил разрешения проиграть их, чтобы отобрать нужные, а не тащить всю эту большую стопу. Пока я отбирал пластинки, она накрыла стол и предложила перекусить. А затем эта **30-35** летняя женщина лишила меня невинности. Я очень стеснялся, а она смеялась:

- У тебя вид, как у шестнадцатилетней девушки.

В санчасть я уже не пошёл и вернулся на батарею. Лазов был очень доволен приобретением патефона и приличного количества пластинок к нему. Красный уголок стал

настоящим клубом: в нём при отсутствии ведения огня всё время находились бойцы.

В начале октября Мезенцев приказал, оставив у орудий по **3** человека, остальных подготовить для передачи в пехотные части для пополнения. Совместно с командирами орудий я составил список передаваемых, предупредил об этом бойцов, и прибывший на ОП командир их забрал и увёл. На батарее стало сразу пустынно. Оставшиеся бойцы посерьезнели, подтянулись.

У нас новый командир батареи – капитан Старик, а Мезенцева перевели на его место – командиром **4-й** батареи (затем эта батарея была оставлена для прикрытия эвакуации).

**15** октября вечером капитан Старик приказал поорудийно произвести расстрел всего запаса снарядов, отбой и следовать в порт на **8-й** причал. К полуночи это было сделано. На теплоход погрузили наши гаубицы, а тракторы не взяли. Пришлось их с причала сбросить в море.

Перед рассветом мы ушли в море, но не на том теплоходе, который забрал наши гаубицы. На судне яблоку негде упасть: столько бойцов и командиров самых различных родов войск. Зенитный дивизион привёл в боевое положение свои **85** мм пушки: четыре на полубаке и четыре на полюте, пульбатальон и другие пулемётные подразделения установили пулемёты по периметру всего фальшборта.

Рассвело. День был пасмурный. Позавтракав в кругу своей, малочисленной теперь батареи, я пошёл осматривать теплоход. Он весь забит военными. Они сидят, лежат на палубе, в проходах спардека. В отдельных местах, чтоб не наступить на спящих, приходилось выбирать место, куда поставить ногу. Заглянул в трюм, там тоже люди. А под ними весь трюм завален лопатами без черенков. Сначала я возмутился: лопаты взяли, а нашу тягу – тракторы – нет. Почему? Но, по размышлению, пришёл к выводу, что без лопат не повоюешь.

Зашёл в каюту к командирам батарей, доложил Старику о состоянии личного состава батареи. Вдруг услышал громкие команды, шум. Выбежал на палубу. Конвой сопровождения – погранкатера открыли огонь. На нашем теплоходе зенитчики под громкую команду приводят **85** мм орудия к бою, а корабельные стационарные малокалиберные скорострельные пушки по две на баке и юте уже неистово хлопают.

Слежу за облачками разрывов и увидел тёмный, серый силуэт немецкого торпедоносца. Он летит низко над горизонтом. Открыли огонь **85** мм орудия и пулемётчики, и все бойцы из винтовок. Стреляют все, кто только может.

Много трассирующих пуль стеной огня идут к самолёту. Немец бросил торпеду. Капитан теплохода сделал эволюцию – левый поворот, и торпеда прошла по носу мимо теплохода. Но немец пошёл во вторую атаку. И снова его встретила стена огня. Вторая брошенная им торпеда прошла сзади в нескольких метрах от кормы.

Конец дня и ночь прошли без происшествий. Утром показался берег. Теплоход медленно вошёл в гавань, и мы высадились. На катере пересекли бухту к месту сосредоточения полка – на базе подводных лодок. И здесь мы, вдруг, увидели тех бойцов своей батареи, которые были под Одессой переданы в пехоту.

Оказывается, ни в какую пехоту они не ходили, а прямо с ОП пошли в порт и были эвакуированы в Севастополь, где и ждали нашего прибытия.

Через неделю мы погрузились на платформы, числа **21-23** октября эшелон стал на станции Сарабуз (теперь – Остряково). Была дана команда орудия выгрузить и на руках выкатить их через посёлок на северную его окраину. Слева от шоссе я поставил орудия нашей батареи на указанное место, построил веер, и бойцы приступили к оборудованию ОП. В полдень налетели на станцию юнкерсы и бомбили наш пустой уже эшелон: полк на руках выкатил все гаубицы в поле и побатарейно занял огневые позиции.

Потянулись нудные дни ожидания тяги для следования к фронту, к Перекопу. Чтоб не расхоложивать бойцов, стал проводить с ними занятия по более глубокому изучению орудий и боеприпасов.

Моя ОП была самой близкой к Сарабузу, я мог ненадолго отлучаться то ли в штаб дивизиона, то ли по своим делам. На окраине Сарабуза одна женщина привела в порядок моё бельё, аккуратно выстирав и выгладив его.

Однажды смотрю на шоссе и вижу большое движение по нему в тыл. Я взял несколько человек бойцов, и мы пошли к шоссе. Здесь стоял майор Шмельков, наш командир полка. Увидев меня, он приказал сниматься с огневой позиции и двигаться к Симферополю.

- А тяга? – спросил я.

- Любым способом. Нужно спасти орудия, – ответил Шмельков.

Мои бойцы, слышавшие приказ Шмелькова, говорят, что нужно искать тракторы. В это время в колонне, двигавшейся мимо нас, тархтел трактор **С-80**. Я его остановил, проверил документы у водителя и предложил включить его в состав

своей батарее. Он наотрез отказался, сказав, что трактор поломан, и он его ведёт на ремонт.

- Ребята, – говорю я, – помогите товарищу красноармейцу слезть с трактора.

И те направили на него автоматы. Он тут же согласился беспрекословно выполнять все мои приказания, лишь бы остаться на тракторе.

Бойцы быстро нашли на колхозных складах тросы, зацепили ими за трактор четыре орудия. Глянув на получившийся длинный поезд, я думал, что трактор его не потянет. Но он потянул. К вечеру мы дотопали к Симферополю. Днём немцы его бомбили, нам с дороги было видно, как **Ю-87** – «лаптёжники» – пикировали. На какой-то площадке в низине мы остановились. Здесь я получил приказ двигаться по шоссе на Алушту, так как Севастопольское шоссе уже перерезано немцами. Посоветавшись с бойцами, дал добро на розыск по городу тракторов (а неподалёку от нас стояли два брошенных трактора), их осмотр и ремонт, благо в батарее оказалось очень много бывших трактористов.

Смеркалось. Подошёл старшина батареи Губернаторов и спросил разрешения съездить на полуторке к обнаруженному им продкладу. Я поехал с ним. Дом был двухэтажный. Въезд во двор под вторым этажом, двор замкнут домом со всех четырёх сторон, второй этаж опоясан открытой верандой. На первом этаже склады с замками на дверях. Разрешил вскрыть замки. Взяли на машину кефали, куб сливочного масла, мешок рафинаду, колбасу, черешневый компот. Совсем стемнело. Жители высыпали на веранду, смотрели и вполголоса переговаривались. Я вышел на середину двора и объявил:

- За ночь разберите всё из складов. Завтра здесь будут немцы.

Вернулись мы на площадку, там костры и факелы. Бойцы доложили, что из пяти найденных тракторов три уже на ходу, заканчивают ремонт четвёртого. Время уже **22.00**. В городе гробовая тишина. Отступающих давно след простыл. Есть ли пехота на северном входе в Симферополь или её нет, не знаю. Наконец все четыре трактора работают, берут на крюки орудия и батарея трогается. Выехали на Алуштинское шоссе – никого, едем в одиночестве. Километра через три догнали хвост медленно двигавшейся колонны. Обогнать нельзя: шоссе занято по всей ширине. Оглушая окрестности тархтением тракторов, всю ночь мы двигались в общей колонне отходящих, то останавливаясь, то вновь двигаясь. Рано утром по указанию капитана Старика я занял ОП в лощине невдалеке от шоссе. После Симферополя местность

пошла холмистая, а затем и гористая. День мы стояли на этой ОП, но не стреляли. Назавтра мы снялись и опять потихоньку двигались к югу. Где-то по пути Старик был ранен, попав со своей полуторкой, на которой он ехал, под бомбёжку.

К вечеру я получил приказ дивизиона развернуть батарею западнее шоссе, самому занять НП севернее огневой, на прилегающих высотах. Так и сделал. Установил ОП, оставил на ней Антона Рак, и со связистами, разведчиками пошёл на высоту, на которой кое-где кучками росли деревья. На гребне, ища место для НП, я наткнулся на замаскированный в кустах шалаш. В шалаше было двое мужчин. Возраст их был около **25-30** лет. Документов у них не оказалось. Вести допрос времени у меня не было, так как нужно было ещё определиться с НП и засветло наметить на местности ориентиры. Приказал их обыскать, руки связать сзади. Двум бойцам препроводить их в особый отдел полка. Выбрав место для НП, приступили к его оборудованию. Когда стемнело, получили по телефону приказ сниматься и двигаться на юг. Поужинав на ОП, тронулись в путь. С остановками двигались всю ночь. К рассвету въехали в село с названием Ангара. Два года назад я уезжал во Второе КАУ из города Усолъе-Сибирское, стоящего на реке Ангаре и с железнодорожной станцией Ангара.

Здесь при въезде меня встретил Мезенцев и передал приказ капитана Манзия занять ОП на огороде дома, возле которого мы стояли. Батарея стала въезжать во двор, а Мезенцев пригласил зайти в дом позавтракать, самовар готов. Пришёл младший лейтенант Рак и доложил, что веер готов. Поев, я пошёл занимать НП.

Взошло солнце. Рассеялся туман, видимость стала хорошая. Антон Рак доложил, что на высотке над шоссе занял ПНП, установил контакт с пехотой. Часов в **11-12** я увидел справа от шоссе на далёком плато цепь немцев и открыл по ним огонь, заставил их залечь, перешёл на методический, подавляющий огонь. А ближе и левее на нашу пехоту обрушился огонь мощных **155** мм снарядов. Вскоре я эту батарею обнаружил вдали за редкой рощей и начал пристрелку. Дальность до неё была большая, рассеивание моих снарядов тоже, поэтому уничтожить я её не мог, но мог подавить, то есть, стреляя, заставить её молчать. Так, с полудня до вечера, шла наша дуэль. Но у немца было преимущество в калибре и дальности, и к вечеру, обнаружив мою ОП, он обрушился на неё, вывел из строя три трактора, несколько человек было убито и ранено. Орудия не пострадали.

К полуночи я получил приказ перевести батарею за Ангарский перевал.

Снова все орудия зацеплены за оставшийся целым трактор, и я их с несколькими бойцами, во главе с Антоном Рак отправил к перевалу. Там с бойцами батареи остался ждать запоздавший ужин. После ужина я построил бойцов и повёл их по шоссе на перевал.

Шоссе шло всё время на подъём, петляя. Стояло полнолуние, было светло. Видя, что бойцы от усталости растягиваются, останавливал колонну на привал. Все тут же садились на землю и через несколько минут засыпали. Представьте картину: на шоссе в лесу при полной луне и тишине бойцы на бровке шоссе лежат, полулежат недвижно, несколько человек начинают чуть посапывать, а вдоль них ходит молодой лейтенант, у которого самого на ходу слипаются глаза. Проходит **10-15** минут.

- Подъём, – резко говорю я, идя вдоль спящих и поторапливая их стать в строй. Когда все встают в строй, команду, – шагом марш!

К утру затуманило. Услыхали трактор и догнали его на самом перевале. Разобрали банки компота с черешней, освежились им и стали спускаться с перевала, притормаживая орудия. Между перевалом и Алуштой мне было указано место ОП батареи, где мы простояли почти два дня без боя.

Как только поставили орудия, я спустился вниз в хоззвод, нашёл санинструктора Гончарова и попросил его оказать мне помощь. Горели подошвы ног. Снял сапоги. На подушечках обеих ног большие волдыри. Потёртость! Надо же: командир и обезножил. Позор!

- Помоги, терпения нет, горят подошвы, – говорю я Гончарову.

- Сейчас помогу, – и не спеша раскрыл сумку, вытащил необходимое, стал протирать спиртом кривые ножницы. Потом срезал кожу волдырей, наложил мазь, туго забинтовал и сказал – всё!

Я встал и света не взвидел от адской боли.

- Что же ты сделал?! – говорю – я ж на мясе своём стою.

- Так быстрее заживёт.

Посидел, посидел я, встал и пошёл. Еле дошёл до батареи. Хорошо, два дня было спокойно. Я вида не показывал, что ноги болят, но и зря на ноги не поднимался. И когда зажили подошвы, не заметил.

Вечером **4** ноября батарея получила тягу – автомашины, и когда стемнело, мы отправились через Алушту на запад.

Появился у нас новый командир батареи – старший лейтенант Уваров. Тяга была отнюдь не новой, барахлила, и батарея растягивалась по шоссе. Приходилось часто останавливаться, дожидаться отставших, группируясь. Утром развернул ОП прямо на асфальте шоссе так, что сошники упирались в скалу, а впереди дульного среза – пропасть. Здесь шоссе делало изгиб, поэтому было возможным поставить орудия почти в линию в направлении на Восток. Стреляли недолго, опять отбой и поехали с частыми остановками на Запад.

5 к вечеру стало пасмурно, похолодало, море посерело, справа внизу виднеются Артек и Аю-Даг. Уваров приказал развернуть огневую позицию и уехал. Стоим на шоссе. Слева гора, справа склон. Как ставить орудия? Походил я туда, сюда, посмотрел и решился. Два орудия поставил на шоссе в 15 метрах друг за другом. Расчёту у переднего орудия приказал уши законопатить и держать рот всё время открытым. Левое орудие с помощью веревок всей батареей вытащили на скалу, предварительно выровняв там крохотную площадку. Оно оказалось выше шоссе метров на пять. Построили веер. Машины подвезли снаряды. Ждём, когда начнём работать. Расчётам пришлось попотеть, пока они кирками и ломami прорубили в асфальте и в скалистой почве борозды под сошники.

Я подготовил вспомогательную табличку для учёта разновысотного стояния орудий и введения во время стрельбы поправок значения уровней орудия.

Младший лейтенант Рак ушёл вперёд, занял НП, установил связь. Стало смеркаться, он открыл огонь. Вёл он его до самой темноты. Прицел всё время уменьшался. Он сообщил, что немцы уже прошли мимо него, и он ведёт огонь, повернувшись лицом в нашу сторону. Через некоторое время связь с ним прервалась и больше не восстановилась.

Что случилось на НП, осталось неизвестным. Ни Антон Рак, ни бойцы, бывшие с ним, с НП не вернулись. Исчез и командир батареи Уваров. Его я тоже больше не видел.

Примерно через полчаса, уже в темноте, через батарею пронесли старшего политрука Джмиля с прошитыми автоматной очередью бёдрами, проехал раненый Манзий и ещё несколько раненых командиров, которых я не знал. Мне командовали отбой, с исполнением которого я провозился более часа, вытаскивая орудия на шоссе.

Настроение было тревожное, штаб дивизиона попал в окружение, его командиры были выведены из строя, еле прорвавшись из окружения. Ночь тёмная, мы двигались с потушенными фарами тихим ходом. Вдруг впереди справа

вверху, наперерез шоссе, пулемётные трассы. Остановил батарею. Послал вперёд разведчиков. Они вернулись и сказали, что проехать нельзя: немцы засели на скале над шоссе и простреливают его. Подозвал к себе старшего сержанта Черенько и командиров орудий, посоветовались. Двоих с ручным пулемётом послал на склон вверх. Орудие Зубова, имеющего самую мощную машину ЗИС-5, развернул в боевое положение в направлении немцев. Наш пулемёт открыл огонь. Немцы вязались в перестрелку. Зубов тщательно прицелился и послал несколько снарядов. Мы лихорадочно на пределе скорости проскочили этот участок. Пришедшие в себя немцы открыли огонь, но нас уже там не было, а пулемётчики наши пробрались тихо под укрытием скал. Через пару километров опять немецкий заслон и опять пришлось прорываться с огнём. Позже я узнал, что местные жители, крымские татары, проводили немцев через горы – оказывали им услуги. Вот почему их после войны из Крыма выселили.

Днём 6 ноября мы отдыхали в горах под Ялтой у какого-то туберкулёзного санатория вместе с 6 батареей. Во второй половине дня выехали восточнее Ялты в район Массандры и заняли ОП. Здесь же простояли и день 7 ноября. Огонь нашей батареей вёл Мезенцев.

Вечером слышу, кто-то ищет меня, всё время повторяя:

- Лейтенанта Кубарского к начальнику артиллерии Золотову!

Посыльный привёл меня в комнату, где было много командиров, комната была слабо освещена парой керосиновых ламп. Меня подвели к майору Золотову, я представился. Он подвёл меня к карте, показал на ней точку на шоссе и сказал:

- Здесь поставьте одно орудие, задача: не пропустить по шоссе танки. Возьмите лучший расчёт, запас снарядов. Командовать орудием лично Вам.

Я вынул карту, отметил место, сказал – есть! – и повторил приказание.

Золотов пожал мне руку, а затем ещё несколько командиров и один из них даже обнял меня. Такая сердечность подсказала, что у меня с этим орудием будет пиковое положение. Собравшись, мы выехали и достигли указанного места. Заглушили мотор. Приказал бойцам не шуметь, а больше слушать. Тишина, аж уши закладывает. Взятых с собой разведчиков с автоматами послал по шоссе вперёд, чтоб прошли по дуге до следующего его поворота за угол. А других – влево – вверх – вперёд по склону.

Минут через 30 они вернулись: никого. Отправил их в боевое охранение на шоссе и на склон горы. Перед этим поговорил с бойцами, что нам, возможно, предстоит дуэль с танками. Распорядился, кому что делать. Машину поставил за скалу за угол, задом к гаубице, чтоб быстро можно было взять её на крюк, и несколько раз это прорепетировали. Приступили к оборудованию позиции: стали долбить кирками асфальт под сошник. Сходил, проверил боевое охранение, посмотрел оттуда, снизу, не видно ли гаубицу на фоне неба. Закончили оборудование позиции, приготовили снаряды, выложив их у орудия. Перекусили.

Половина расчёта спит у орудия, половина дежурит. Курить запретил. Перед рассветом напалз туман. Велел гаубицу зарядить. Рассвело, и туман стал клубиться. Из-за скалы медленно вышла танкетка. Хоть и ждали, но это было так неожиданно, что наводчик Зубов выстрелил, но снаряд ударил в скалу, танкетка тут же втянулась за угол. Второй снаряд рикошетом от шоссе разорвался над ним. Да, перенервничал Зубов. Выпустил ещё серию снарядов через скалу. Прождали час. Никого. Прискакал посыльный от Золотова с приказом возвращаться на основную позицию. Думаю сейчас: а если б пошли танки? И Зубов показал бы класс работы? Быть бы нам героями. Возможно и посмертными.

Ещё восьмого мы стояли наготове на прикрытие выхода последних подразделений Приморской Армии из гор на шоссе, а затем и сами тронулись к Севастополю. Утром 9 ноября мы прошли Байдарские ворота. Два дня мы отдыхали, приводили себя в порядок, расположившись возле французского кладбища.

Капитан Манзий, как рассказывали, был на эсминце эвакуирован на Большую землю. Командиром второго дивизиона стал Мезенцев, а я – командиром пятой батареи. Джмил и другие раненые наши командиры были погружены на теплоход-госпиталь, стоявший в Ялте. Он был немцами потоплен. Так рассказывали.

Вечером 10 ноября Мезенцев привёз меня к горе Гасфорта и сказал:

- Там, на вершине, твой НП. Занимай боевой порядок.

В первую оборону Севастополя в 1854 – 1855 годах на этой горе находился полк полковника Гасфорта. Отсюда и название её. Юго-западнее, недалеко от горы лежит деревня Камары, где тогда располагался Сардинский корпус союзников. После Крымской безуспешной кампании итальянцы соорудили на вершине горы Гасфорта кладбище, и теперь мы её называли – высота с итальянским кладбищем.

Поднявшись с разведчиками и связистами на высоту, мы осмотрели кладбище. Кладбище имело каменный забор высотой три метра. Размер кладбища около 50 на 50 метров. Входные ворота были с западной стороны, снаружи у входа – домик сторожа, в центре кладбища стояла часовня, а кругом памятники, надгробные плиты с надписями на итальянском. Вход в часовню с западной стороны. Крыльцо было высотой около двух метров. Кроме обычных дверей, была металлическая решётчатая. Внутри часовня имела размеры в плане около 4,5 на 4,5 м. Высота до верхней точки купола 8-10 метров. У восточной стены было возвышение – аналой. В центре пола была круглая металлическая крышка. Под ней оказался люк с вертикальной металлической лестницей. Зажгли спички. В четырёх сводчатых нишах, образующих в плане крест, были поленницами сложены человеческие кости конечностей, а сверху них пирамиды черепов. В часовню мы не пошли, а заняли Юго-восточный угол забора, выбили в заборе отверстие для наблюдения и с трудом выкопали полуметровой глубины окопчик: дальше была скала. На кладбище и на высоте кругом никого не было, домик сторожа был пуст, без мебели.

Целый день от темна до темна мы работали на своём НП в углу, не выходя, чтоб не демаскироваться. А вечером переходили в домик, закрывали окна плащ-палатками, ужинали, отдыхали и завтракали затемно. Пищу нам на НП приносил боец с термосом.

В 1966 году на Сапун-горе у Диорамы Мария Байда, Герой Советского Союза, спросила меня:

- Ну, покажите, где Ваша высота, где Ваш НП?

Я показал рукой, но при этом так неуверенно, что Мария рассмеялась.

- Что? Нет часовни? Да? – И рассказала, что после войны итальянцы просили наше правительство восстановить кладбище. Наши им отказали, полуразрушенную часовню взорвали и всё соскребли бульдозером.

Давно ещё мама рассказывала, что прадед мой, – фельдфебель Шмах, был на защите Севастополя в 1854-1855 годах, за что получил серебряную медаль «За защиту Севастополя». Благодаря льготам к этой медали, мама, её сёстры и братья – семь человек – учились бесплатно и смогли закончить гимназию.

К сожалению, я не помню, чтобы мама специально воспитывала во мне уважение к предкам, да и среди сверстников, в их семьях я тоже этого не видел. Двадцатые,

тридцатые годы – время отрицания и отбрасывания прошлого. Любого. А жаль.

В **1984** году, в декабре, я решил найти следы прадеда и поехал в Москву – в Центральный Государственный Военно-Исторический Архив СССР. К счастью, они нашлись, и вот, что я узнал.

---

*...В **1845** году **14** дня из бывших казанских батальонов военных кантонистов он вступил в службу рядовым в **64**-й пехотный Казанский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полк...*

*... участвовал в походе против мятежных венгров – **1849** год...*

*...награждён бронзовой медалью «За войну **1853-1854** г.г.» противу турок...*

*...за отличное мужество и храбрость, оказанные при отбитии неприятельского штурма севастьяпольского укрепления **27** августа **1855** года государь Император всемилостивийше повелеть соизволил произвести в унтер-офицеры – приказ по Южной армии военно-сухопутных и морских сил в Крыму от **13** января **1856** г., №**33**...*

*...в Севастополе находился с **13** по **21** сентября **1854** г. и с **9** марта по **27** августа **1855** г., всего **5** месяцев и **26** дней – время это следует считать за пять лет и четыре месяца и шестнадцать дней...*

*...присвоен чин фельдфебеля – **1858** январь **24**...*

*...награждён двумя шевронами из золотого галуна и двумя нашивками из тесьмы...*

*...награждён серебряной медалью «За усердие»...*

*...по собственному желанию уволен в отставку – **1863** январь **10**...*

г. Москва, ЦГВИА СССР, Фонд **395**, Описание **263**, Дело **575**.

---

С утра **11** ноября я уже вёл огонь по немцам. Сначала наша пехота занимала рубеж перед горой Гасфорта, у её подошвы, на вершину высоты никто не заходил. Мы были замаскированы забором и спокойно работали: вели наблюдение и стрельбу. Чтобы голова у меня и разведчиков была ясная, разрешил нам принимать положенные **100** граммов только в ужин. Зато связистам разрешил употреблять по **150-200** граммов и в завтрак, и в обед, который мы ели в сухоматку в углу забора, для храбрости, чтобы смелее шли под разрывы на восстановление порывов линии связи.

Поначалу ограничения в расходовании снарядов не было и я по всем целям, то есть по всему, что видел в секторе

стрельбы и за его границами, вёл огонь на уничтожение либо подавление. Но потом, кроме плановых огней – ПТОЗ, НЗО, ПЗО, СО и других – было запрещено открывать огонь без разрешения дивизиона и полка. Вот и приходилось, прежде чем начать стрелять, испрашивать разрешения и подробно докладывать, что за цель, где она и т.д.

Однажды, находясь в сторожке вечером, когда я был злым и хмурым от досады, что за целый день мне разрешили стрелять всего три раза, часовой ввёл двоих в нагольных полушубках. Я их спросил, что им нужно здесь. Один из них сказал, что он командир **172**-й дивизии. Я не поверил, чтобы комдив припёрся на передовую. Под полушубком знаков различия не видно, да и шапка простая. Я предложил ему не заливать и проваливаться, откуда пришёл. Он настойчиво повторил, что он комдив Ласкин. Бывший с ним человек энергично это повторил, и я потребовал у них документы. Ласкин остался недвижим, а второй дал своё удостоверение.

- Так Вы подтверждаете, что это комдив Ласкин? – спросил я, проверив его документы. Он подтвердил. Тогда я, не зная звания Ласкина, доложил:

- Товарищ комдив, НП **5**-й батареи **134**-го ГАП находится на ужине, – докладывает командир батареи лейтенант Кубарский.

- Покажите, чем вы тут занимаетесь? – Он проверил на карте мои артогни, остался доволен, спросил, как пройти к пехотинцам. Я дал им бойца, и они ушли.

Поставив где-то в лощине миномётную батарею, немцы стали бить по окопам нашей пехоты, наносил ей урон. Надо её уничтожить. Но где она? Слышен звук выстрела, свист полёта мины, вижу разрыв, а где стоят миномёты – не вижу. И ночью она огонь не ведёт, а то бы дежурные разведчики засекали её. Прошу разрешения открыть огонь по звукам, стрельбой по площади предполагаемого её размещения. Не разрешили – нет снарядов на это.

- Кто обнаружит батарею, – говорю разведчикам, – тому даю три дня отпуска, пойдёт в хоззвод к старшине Губернаторову, будет в бане, получит новое обмундирование, кино в городе и т.д. Прошли сутки. Разведчики ведут усиленное наблюдение. На исходе вторых суток, когда немецкая батарея в очередной раз стала вести огонь, дежуривший у стереотрубы разведчик Болотов кричит:

- Товарищ лейтенант, вижу батарею!

Я приник к окулярам и через несколько секунд увидел на синем фоне леса едва-едва различимое синее облачко выстрела. Оно буквально не столько было видно, сколько едва



угадывалось. Хоть и бездымный порох, но что-то всё же он оставляет. Помогло и солнце: было пасмурно, а тут лучи прорвались и подсветили дымок выстрела. Вот ещё дымок рядом, а потом и звук выстрела. Теперь определение места ОП этой батареи было, как нынче говорят, делом техники. В ход был пущен секундомер, отложил на ватмане планшета угол по лимбу стереотрубы от ориентира, дальность по секундомеру с поправками, определил по горизонталям карты точку превышения цели, подготовил (рассчитал) данные для открытия огня. На это ушло одна-две минуты. Обратился в дивизион за разрешением открыть огонь на уничтожение батареи. (Полное уничтожение цели требует большого расхода снарядов). Пока рассказал подробно о цели, пока дивизион запрашивал полк, стемнело. Разрешение получил, но стрелять, не наблюдая, не стал, отложил на утро.

Ещё днём я получил приказание командира дивизиона Мезенцева сменить ночью свою ОП на запасную под Сапун-горой. Это вызывалось тем, что немцы с выходом на высоту **440,8** батарею увидели и начали по ней вести артогонь. Появились потери на огневой позиции.

Передо мной встала дилемма: сменить позицию, тогда нужно производить пристрелку, огонь не будет внезапным, увеличение дальности – увеличение эллипса рассеивания; не сменить позицию – могут быть потери на огневой. Посоветовался с комиссаром Лазовым, и мы решили позицию сменить в следующую ночь.

Утром, дав проверочный выстрел по реперу и дождавшись работы немецкой батареи, я перенёс огонь на неё. После серии беглыми, я перешёл на стрельбу залпами и основательно проутюжил район её огневой позиции. Батарея эта замолкла навсегда.

Вечером мы ужинали в домике. Приходит корреспондент газеты и сходу стал меня хвалить. Вы же молодец, такой герой, бьёте и крошите фрицев почём зря. Вытащил блокнот:

- Давайте рассказывайте, как вы даёте жару немцам.

Я стал отнекиваться, увилывать, думая, какой там к дьяволу герой, когда снарядов нет. Это разозлило корреспондента.

- Но батарею же Вы сегодня уничтожили? Меня из штаба вашего полка послали к Вам, рекомендовали Вас.

- Ну и что? – говорю я, – это всего лишь моя работа.

Ну, если Вы такой посредственный, – разозлился он, – то ладно, а бойцы разве у вас не молодцы? Три дня батарея мучила пехоту, никто не мог её уничтожить, а ваши бойцы её уничтожили.

- Бойцы, – говорю, – да, молодцы. – И рассказал, как было дело.

Через пару дней читаем в газете заметку про немецкую батарею и как вызвал я к себе разведчика Болотова, и как лихо он взял под козырёк, получив приказ найти батарею, накиннул плащ-палатку, замаскировал фуражку ветками и пополз в расположение противника, раздвинул кусты, увидел батарею, «засёк» её, вернулся ползком, доложил и с первого залпа ей была хана. Хохотали мы до упаду.

Здесь уместно, пожалуй, коротко сказать, что разведчики батареи ведут инструментальную разведку поля боя, противника, его целей с помощью стереотрубы, биноклей, секундомера круглосуточно в заданном секторе, с записью в журнал наблюдений, нанесением целей на планшет.

Днём немцы вели обстрел нашей огневой позиции, вечером один боец был ранен. Мезенцев, узнав, что я не в прошлую ночь, а только в эту менял ОП, вызвал меня к телефону.

- Почему не выполнил приказ на смену огневой позиции?

Я начал объяснять, а он не дослушав, сказал:

- Почему не выполнил приказ? Пойдёшь под трибунал, – и бросил трубку.

В ходе боёв нашу пехоту потеснили. Левый фланг **514**-го СП **172**-й СД и правый фланг батальона капитана Бондаренко **2**-го морполка вынуждены были отойти – подняться на гору к забору кладбища.

Немцы прекратили атаки, наступило затишье.

В один из дней затишья я встретил стройную девушку в военной форме с высокой грудью и серыми глазами. Познакомились. Это была Мария Байда, санинструктор **514**-го СП, приходившая к своим бойцам на левый фланг полка. Поговорили минут **15** и разошлись по своим делам. Виделся я с ней ещё несколько раз, и мельком в июне **42**-го на Мекензиевых горах.

Капитану Бондаренко, командиру **1**-го батальона **2**-го морполка взбрело в голову устроить в подвале часовни свой КП. Я его очень отговаривал не делать этого, ибо немецкие артиллеристы расположены на более высоких вершинах, им кладбище видно, как на ладони. Куда там! Не послушался он лейтенанта. Приказал выбросить все кости из подвала и обосновался там. И началось хождение в часовню и из неё. Немцы немедля отреагировали и стали вести по кладбищу постоянный артиллерийско-миномётный огонь.

Пришлось мне свой НП перенести в часовню под защиту её стен. Бойцы сколотили из жердин лестницу, я её прислонил к южной стене, ввернул в раму окна специальный штырь и на него насадил стереотрубу.

В часовню приходило много разных людей, в основном К Бондаренко, и бесконечно сновали посыльные. Даром это не проходило, постоянный артобстрел кладбища давал убитых и раненых. Пробраться в часовню и из неё живым – фатальная игра.

Интересовала высота с итальянским кладбищем и артиллеристов других артполков, в частности, полка 155 мм французских гаубиц (у них было много снарядов), приходили с радиостанциями и корректировщики с кораблей и береговых батарей. Всем им я любезно предоставлял возможность пользоваться моей стереотрубой и давал координаты (X, Y) целей.

Приходящие артиллеристы долго не задерживались, отстрелявшись, они уходили, так как отдельные немецкие снаряды, изредка попадавшие в стены часовни, не могли пробить её мощные толстые стены, но грохот внутри часовни при этом был умопомрачительным, что было весьма неудобно.

Так я жил в часовне, стреляя выборочно. На расход снарядов был строжайший лимит, около 20 снарядов в день. Отдыхающая смена разведчиков, связистов и я спали в подвале в восточной нише крестообразного свода.

Немцы, вероятно, решили скovyрнуть часовню. Так я думал, потому что на гору Гасфорта стали падать снаряды порядка 200 мм. Но они либо врезались в южную крутую, лобовую к немцам сторону горы и от их разрывов часовня чуть покачивалась, либо делали перелёт и грохотали в балке. Если б тогда такой снарядик зацепил часовню, то крышка нам. Около недели стрелял немецкий артиллерист и не попал.

Из-за непрерывного артиллерийского огня по кладбищу связь с ОП часто рвалась, работы моим связистам было много. Красноармеец-связист Иванов, исправляя порыв провода, был ранен. Но даже при порыве всё равно можно было связаться с ОП либо через дивизион, либо через штаб нашего полка, которые концы своих проводов имели у меня на НП, а огневые позиции всех батарей имели связь между собой. Таким образом, связь была закольцована и при разрыве какого-либо провода не исчезала.

В эти дни, как потом позже, в январе, рассказал мне Н.Т. Лазов, на огневую позицию приходили два особиста. Представились и спросили его, знает ли он, что командир

батарей лейтенант Кубарский во время боя не выполнил приказ командира дивизиона капитана Мезенцева о смене огневой позиции батарей?

- Знаю, – ответил Лазов, – это было нами решено совместно.

- Как, Вы – комиссар и поддержали невыполнение приказа?

- У меня есть другой приказ, приказ Сталина.

- Какой приказ?

- Ни шагу назад! – Затем он рассказал им сложившуюся ситуацию.

Они изъявили желание меня увидеть и поговорить со мной. В это время батарея вела огонь.

- Видите, там идёт бой, комбат стреляет, вызывать его нельзя.

- Хорошо, тогда мы к нему ходим на НП, где его НП? Дайте бойца проводить.

- Пойдёмте, покажу, – и Лазов вывел их из-за бугорка, прикрывавшего ОП, и показал на гору Гасфорта, на которой как раз в это время немцы усилили артобстрел, и часовня то скрывалась, то появлялась среди вееров разрывов.

- Где он там? – спросили они.

- В часовне.

- По ней же стреляют. Долго придётся ждать конца обстрела?

- Он никогда не кончается, день и ночь так, – ответил Лазов.

- И он всё время там в часовне?

- Безвыходно, – ответил Лазов.

Они вернулись на ОП, поговорили со старшим на батарее лейтенантом Лукашевым и уехали. Прощаясь, сказали Лазову, что приезжали забрать меня на суд трибунала.

- Почему не позвонил, не сказал мне? – спросил я Лазова.

- Незачем. Я тебя знаю с Одессы, да и в трибунале не лучше, чем в часовне.

17 декабря с рассветом немцы обрушили на наш передний край и кладбище, в том числе, массированный артиллерийско-миномётный огонь. Наблюдая за полем боя, больше всего я боялся, что какой-нибудь осколок влетит в окно и разобьёт стереотрубу. Тогда моё видение, моя зоркость ухудшатся. Стереотруба имеет 11-кратное приближение, а

имевшиеся у меня ещё гомзовские бинокли: полевой – 6-ти кратное (6 × 30) и морской – 7-кратное (7 × 50).

На шоссе показали танки. Скомандовал ПТОЗ, и ставшая перед ними стена мощных разрывов вынудила их ретироваться. С западных отрогов высоты 440,8 немцы изготовились к атаке на 514-й СП. Открыл по ним огонь, и кто-то из наших артиллеристов тоже подключился.

Батальон Бондаренко с утра непрерывно атакывался, в полдень был выбит из своих окопов и остатки батальона откатились на северо-западный скат горы, ниже кладбища. Ушёл из часовни и Бондаренко со своим КП.

Порвалась связь. Несколько связистов один за другим ушли на линию, но, едва восстановившись, она тут же снова рвалась.

Немцы двинулись на кладбище. Встав у окон и пробитой в восточной стене над аналогом амбразуры, бойцы плотным автоматным огнём отбросили немцев обратно в бывшие окопы батальона Бондаренко. Чтобы обеспечить этот огонь, все остальные бойцы заряжали магазины патронами. И тут я в душе сказал Бондаренко спасибо, что он, уходя, не забрал свой боезапас. Штабеля цинковых ящиков с автоматными и винтовочными патронами и гранатами стояли у стены слева и справа от входа.

После нескольких неудавшихся атак, а атаковать кладбище немцы могли только в лоб, так как южный и северный скаты высоты были крутые, по кладбищу был открыт артогонь. На время его ведения я велел остаться у окон по одному бойцу с автоматом и смотреть зорко, а остальным набить все магазины патронами.

Кроме автоматов, с дисками к ним, у нас были полуавтоматические винтовки СВТ с 10-ти зарядными магазинами к ним для стрельбы одиночными выстрелами. Адьютант нашего дивизиона, или как его ещё именовали, начрзведки дивизиона, лейтенант Сугак у этих винтовок перевернул спусковой крючок, и они стали автоматическими. Одно нажатие и все 10 пуль вылетают за долю секунды, стоящий у амбразуры отдаёт эту винтовку, получая другую, заряженную. От такой стрельбы стволы у СВТ перегревались, их поливали водой. Сугак имел свою винтовку с оптическим прицелом. Он оказался хорошим снайпером и бил немцев на выбор, а в моменты, когда немцы обрабатывали кладбище артогнём и перегруппировывались, бил их на дальних подступах.

После артогна немцы опять полезли на штурм и опять были встречены шквалом автоматического огня. Так продолжалось до самого вечера.

Связи у меня не было, и я послал командира взвода управления батареи лейтенанта Волобуева, чтобы он дошёл до первого промежуточного пункта связи, открыл огонь по скоплению немцев у Нижнего Чоргуня и наладил, наконец, связь.

Лейтенант Волобуев был назначен ко мне в батарею на эту должность, когда я уже был на горе Гасфорта. Его приходу предшествовало предупреждение особиста, что он был в окружении и был в плену у немцев и поэтому я должен за ним присматривать. Когда он прибыл, я решил поговорить с ним начистоту и откровенность, сказав ему, что следить за ним не собираюсь.

Он рассказал, что в ходе боя они оказались в окружении, разбились на группы по два-три человека и пошли лесом выходить из окружения, напоролась на немцев и были схвачены. Двое немцев пулемётчиков заставили нести их пулемёт. И тут так случилось, что теперь уже они напоролась на засаду наших.

На допросе он всё это чистосердечно рассказал. Всё его окружение длилось несколько часов, а плен – полчаса. Допрашивающий особист сказал:

- Ты сволочь, раз нёс немцам пулемёт, – и Волобуев сокрушался, зачем рассказал об этом. Я его, как мог, успокоил.

К концу дня немцы стали прицельней бить по амбразуре. Залетающие редкие пули с визгом рикошетировали по внутренней сфере купола, и одной из них был контужен Сугак и уведён разведчиками из часовни.

В сумерки немцы прекратили атаки, а затем и артогонь. Выставив по кромке разрушенного забора боевое охранение, мы провели тревожную ночь. Волобуев едва смог восстановить связь, так как было искромсано два километра телефонного провода, а он был таким же дефицитом, как снаряды, если не больше. Доложил Мезенцеву обстановку, он похвалил, что я не ушёл с кладбища и пообещал, что положение будет восстановлено. И действительно, утром в сплошном тумане на кладбище пришли моряки и, выбив немцев, заняли свои окопы. Вернулся и Бондаренко со своим КП.

В этот день стрельбу я вёл мало из-за тумана, бывшего до полудня, да и на батарее снарядов осталось мало.

Пошёл посмотреть, что стало с домиком сторожа. Он оказался разрушенным. Под одной из его стен медсестра

обрабатывала раненого матроса. Он был в полубессознательном состоянии. Когда она раздела его до пояса, на спине открылись дыры, из которых при дыхании парил воздух. Она плотно их забинтовала, а моряки унесли его вниз с горы. Я спросил:

- Выживет?

- Надежды мало, это – пневмоторакс.

На следующий день всё повторилось сначала. Во второй половине дня опять ушёл Бондаренко и опять мы вели непрекращающийся автоматный огонь из амбразур. Раскалившиеся СВТ уже нечем было охлаждать, – кончилась вода. Тогда стволы стали охлаждать своей мочой.

В первую половину дня я вёл стрельбу по немцам в районе высоты **440,8** – восточнее деревни Камары. Потом связь порвалась, её не было до ночи, но батарея вела огонь по командам Волобуева, вчера занявшего ЗНП.

В часовню приполз Позигун, порученец полковника Ласкина И.А. Ласкин прислал его узнать, что за непрерывная трескотня стоит на кладбище? Там же наших нет!

В октябре **1966** года, в дни **25-ти** летия начала обороны, Позигун, увидев меня и узнав, бросился обнимать.

- Кубарский!! Помнишь, как мы сутки от немцев отбивались в часовне?

Как не помнить! Ситуация была критическая. Если бы немцы могли преодолеть около ста метров открытого узкого пространства хотя бы до забора, то худо пришлось бы нам в часовне. Поэтому и приказал я вести огонь непрерывно. Не давать немцам даже высунуться из окопов. Это было возможно за счёт Бондаренко, и патронов мы не жалели. Руки уставали заряжать магазины.

В сумерки какой-то немец пробрался на южный скат высоты и в пролом забора стал обстреливать крыльцо. Позигун едва выполз. Теперь мы были почти полностью блокированы.

Старший сержант со связью от штаба полка, тоже не имея связи, предложил уходить из часовни. Я велел всем эту мысль из головы выбросить. Вообще-то этот старший сержант отчасти был прав. Мне – гаубичнику, без связи быть на НП впереди пехоты – это не дело. Но такого НП, с таким обзором больше не найти.

Нас в часовне было чуть меньше десятка человек. Вспоминая те дни и часы, я помню, как боковым зрением чувствовал на себе пытливые взгляды бойцов, их чёткое выполнение моих указаний. Я чувствовал, что то, как я себя

поведу, будет иметь решающее значение. В эти часы я прочувствовал на всю жизнь глубинный смысл слова – ответственность.

Ночью моряки ворвались на кладбище и деблокировали нас. Молодец Позигун, доложил верную обстановку командованию.

В последующие дни батальон Бондаренко держался хорошо, и мы несколько отдохнули от повышенного нервного перенапряжения, продолжая стрелять по выявленным целям.

Приходил к нам в часовню командир дивизиона капитан Мезенцев, брал мой планшет с целями, огнями, изучал их, а затем я ориентировал их ему на местности.

Если провести линию наблюдения НП – Камары и линию стрельбы ОП – Камары, то они пересекутся почти под прямым углом. Такое расположение боевого порядка батареи редко встречается и стрельба усложняется. Коэффициент удаления и шаг угломера меняются местами и нужно быть очень внимательным, чтобы не запутаться. А поскольку мне пришлось стрелять от высоты **440,8** и до района левее Алсу, куда уже мои снаряды летели через мой НП, то я сделал на планшете дополнительные разграничения схем стрельб. Разведчики мои были любознательными и с интересом слушали мои пояснения. Я уже научил их всех пользоваться хордоугломером, рассчитывать КУ и ШУ (коэффициент удаления, шаг угломера).

Однажды, поздно вечером, в подвал спустился комдив полковник Ласкин И.А.

- Не забросают вас немцы гранатами сверху? – спросил он меня.

- Ночью они не посмеют двинуться вперёд. А с утра мы снова будем бить их, – ответил я. Затем он поинтересовался, чем я занимаюсь. Рассмотрев мой планшет, сказал:

- У артиллеристов, как всегда, всё в порядке, – и ушёл.

**22** декабря я первый увидел вышедшие из Алсу танки. Скомандовал ПТОЗ, видел свои разрывы, один остановившийся и задымивший танк... Дальше – чернота, провал. Пришёл в себя в машине по дороге в нашу полковую санчасть. Везли меня санинструктор Гончаров и мой ординарец Калмыков. Тогда я, контуженный, плохо воспринимал окружающее.

Позже, в январе, Калмыков мне рассказал, что немецкий снаряд ударил в стену у окна, вывернул два камня из стены. Я с лестницей и стереотрубой (накрылась!) полетел на цементный пол часовни, следом за мной – камни. Один

камень упал и раздавил моряка с радиостанцией, а второй придавил мне левую ногу, которая сразу же распухла.

В январе я вернулся в батарею. Итальянское кладбище было полностью у немцев и уже с нового, оборудованного Волобуевым НП на Федюхиных высотах, я стрелял по кладбищу.

К новому 1942 году в Севастополь были доставлены посылки фронтовикам от жителей Кавказа. Получила их и наша батарея. На каждое орудие и отделениям взвода управления досталось по несколько штук. Одну посылку Лазов оставил для меня. Вскрыл я её по приходу на НП. Там оказалась бутылка вина, печенье, сухие фрукты, носки и варежки грубой вязки и рулон чего-то похожего на толь. Мы попробовали вино, печенье, фрукты. Я отдал бойцам носки и варежки. А то, что походило на толь, оказалось листом вкусной кисло-сладкой полусухой фруктовой смеси и мы этот лист с удовольствием сжевали.

На передовой стояло затишье. Мой комвзвода управления Волобуев ушёл в передовую цепь 2-го морполка, влившегося в 7-ю бригаду морпехоты, и который мы теперь поддерживали огнём.

Несколько раз я вёл артподготовку по итальянскому кладбищу, после чего наши шли в атаку на высоту, но немцы каждый раз контратаковали и не допускали к кладбищу.

Стрелял по каменной башне в Чоргуне по просьбе пехотинцев, уверявших, что в башне у немцев наблюдательный пункт. Вместе с Волобуевым провёл пристрелку башни по квадратной сетке. Попавший в стену башни фугасный снаряд её не пробил, оставив лишь на месте разрыва круглое пятно, отенённое языками копоти. Стрельбу я прекратил, так как для разрушения этой древней башни моим калибром нужно было более сотни снарядов.

Поскольку установилось относительное затишье, попросил старшину разыскать мне книгу для чтения.

Однажды тихой, лунной морозной ночью я пошёл на ОП с целью проверить готовность взвода тяги. Придя на ОП, скомандовал: – «моторы». Через несколько минут ночную тишину разорвал треск пускателей, а затем и рокот дизелей. И тракторы пошли из своих рассредоточенных укрытий к огневой позиции. Я остался доволен, что все четыре трактора в три часа морозной ночи быстро заведены и двинулись к своим орудиям. И был приятно удивлён другим эффектом этой моей проверки. Вся батарея без всякой команды поднялась и стала собираться в поход, причём все радовались, что наконец-то мы двинемся вперёд на немцев, которые

отходят. Да, надо было понять измученные души бойцов, полгода оборонявшихся против более сильного врага, измученных и истосковавшихся по не имевшему ещё месту наступлению. Как мне не хотелось разочаровывать бойцов и давать команду «Отбой»!

Помню, в это время нам был доведён приказ, запрещающий вести дневниковые записи. И в это же время меня известили и поздравили с присвоением очередного воинского звания старшего лейтенанта.

Старшина прислал мне книгу. Это оказался том сказок Гофмана. Вечерами, после ужина, бойцы, подымив махрой, засыпали, кроме дежурных у стереотрубы снаружи. А я, приблизив поближе коптилку, устраивался лёжа читать сказки Гофмана, иногда за полночь.

Интересно было наблюдать за дежурившим у телефонного аппарата связистом. Натянув на голову широкую ленту резины, отрезанной от противогаса, и подсунув под неё телефонную трубку, он спал самым настоящим образом, но при этом сквозь сон периодически проверял связь.

В один из дней Мезенцев повёз на машине часть командного состава дивизиона на Северную сторону, куда нам предстояло передислоцироваться, для определения места боевых порядков дивизиона. Вся земля в этом районе Мекензиевых гор была перепахана воронками различных калибров.

На передовой продолжалось затишье. Стрелял я мало. Вёл инструментальную разведку целей противника в заданном секторе и заполнял ими свой планшет. Иногда, по заданию штаба дивизиона или полка, вёл дежурным орудием методический беспокоящий противника огонь. Каждый вечер, после ужина погружался в гиперболу сказок Гофмана. Однажды вечером, часа в 22.00, связист прервал моё чтение:

- Товарищ старший лейтенант, Вас требуют к телефону из штаба полка.

Дежурный штаба полка продиктовал мне данные для ведения методического одиночного, 10 минут выстрел, огня в район деревни Верхний Чоргунь. Скомандовав данные на свою ОП, я вновь погрузился в нереальный страшный мир сказок Гофмана, почище «Вия» Гоголя.

- Выстрел. – сказал связист.

Отложив книгу, я встал, вышел из землянки, прошёл к дежурившему у стереотрубы бойцу и стал ждать. Услыхал выстрел орудия своей батареи, характерный клёкот и шипение с жужжанием полёта снаряда, затем увидел зарево

от разрыва в заданном районе и, чуть погодя, звук разрыва. Теперь дежурное орудие через каждые 10 минут будет посылать снаряд, пока не выстрелит указанное количество снарядов. Вернулся в землянку и продолжил чтение.

- Товарищ старший лейтенант, Вас приглашает младший лейтенант Курганский.

Оторвавшись от книги, секунд пять я возвращался в мир реальный и взял трубку:

- Слушаю.

- Докладываю: снаряд разорвался и разорвал орудие, горит порох.

- Убитые, раненые есть?

- Нет.

- Как могло разорваться орудие, если я слышал и видел, что снаряд разорвался в ложине в районе Чоргуня?

- Не знаю, но орудие разорвано.

Мистика сказок Гофмана и услышанное смешались, я обалдел.

- Уберите горящие гильзы от остальных. Тщательно осмотрите орудие, через десять минут результат осмотра доложите мне. Вести огонь другим орудием, – приказал я и думал: а может быть я не выходил, не видел и не слышал полёта и разрыва снаряда? Мистика! Объяснения случившемуся я не находил и с нетерпением ждал доклада Курганского, ставшего старшим на батарее после перевода Лукашева в 1-й дивизион.

Наконец, Курганский доложил, что у ствола орудия оторвано 20 сантиметров его дульной части. Сам ствол сорван с люльки и со штоков цилиндров противоотката и накатника. Других повреждений у орудия нет. Вероятно, снаряд разорвался на выходе из канала ствола. Порох затушен.

Я поставил под сомнение утверждение Курганского о разрыве снаряда в стволе орудия, так как слышал выстрел, полёт снаряда, блеск и звук его разрыва. Но он твёрдо стоял на своём и наоборот, усомнился в том, что я утверждал.

Больше Гофмана я читать не мог. Вышел и спросил дежурного разведчика, видел ли он и слышал ли разрыв нашего снаряда у немцев?

- Да, – был твёрдый его ответ.

Как же мог снаряд дважды разорваться? От этой загадки мысли мои запутались. Докладил в полк о случившемся.

На другой день на огневой позиции была комиссия, предположившая, что при выходе из ствола снаряд наткнулся

на неоткиннутую маскировочную простынь и взорвался, так как был снаряжён минным взрывателем ГВМЗ. Да, действительно, минный взрыватель ГВМЗ уступает по предохранительности нашим РГ-6 и РГМ, которые взводятся лишь отлёте от ствола 20 метров. Убеждать комиссию, что я слышал полёт снаряда и видел его разрыв, я не стал, но с этого момента это несоответствие фактов меня тревожило.

Волобуев со своего ПНП доложил, что ходившие в ночной поиск морские пехотинцы в одной ложине слышали скопление и движение немцев, что эту ложину можно увидеть с нейтральной полосы и что он договорился с моряками, чтобы они его поддержали на всякий случай, когда он выползет на нейтралку.

Чёрт ли меня дёрнул, но я захотел сам пострелять с нейтралки. Наверное, это молодость, порыв. Одевшись потеплее, в белом маскхалате, я затемно выполз на облюбованное Волобуевым место и устроился за камнем, твёрдо решив не шевелиться, чтобы не схватить пулю снайпера.

Действительно, часть ложины просматривалась, по ней проходила дорога, по склонам вились дымки из блиндажей. Движение немцев по ложине было редкое, одиночное. Открыла огонь артбатарея. Где же она? Ага, вот она, за кустами. Попросил разрешения расходовать снаряды на батарею. Не торопясь, провёл пристрелку репера, а затем перенёс беглый огонь на батарею. После серии беглого, выждал, когда немцы зашевелились, забегали, решили снимать батарею, и тогда стал стрелять очередями с корректировкой. И всё это не спеша с нарочитыми паузами. Часа через полтора на месте батареи стало пусто: половина немцев полегла, половина убежала, и батарея погибла. Часа через два разбил въехавшие в ложину три автомашины с солдатами.

До конца дня ничего интересного более не было, дорога осталась пустынной. Мороз постепенно стал меня пробирать. Еле протерпел до сумерек.

У себя на НП выпил и закусил горячим борщом, чем окончательно согрелся.

На другой день, к вечеру, Мезенцев приехал на мою ОП и вызвал меня. Когда я пришёл, он предложил мне съездить с ним в город в баню, помыться, попариться.

Ехали туда и обратно на бортовой полуторке, он в кабине, я в кузове.

Числа 15 января я почувствовал себя неважно и ушёл на ОП к фельдшеру Гончарову. Он поставил мне термометр,

оказалось **38** градусов, и предложил ехать в санчасть. Я отказался, но когда температура стала **39** градусов, он меня отвёз.

Вошёл я бодро, врач Смотрицкая сначала не поверила, что у меня высокая температура. Убедившись, что она **39,8** градусов, уложила на койку. Диагноз – левостороннее воспаление лёгких. Пенициллина тогда ещё не было, Смотрицкая лечила меня сульфидином, банками, горчичниками и чем-то ещё. Состояние моё было тяжёлое, кризисное, но организм выдержал. Ослабел я ужасно. Встав и первый раз выйдя во двор, на воздух, возвращаясь, я еле поднялся на трёхступенчатое крыльцо. У меня пропал аппетит, совсем не хотелось есть. Смотрицкая доставала корейку и насильно, как лекарство, заставляла её есть. А общий стол состоял из пшена: на завтрак каша пшённая, на обед суп пшённый, котлеты пшённые и на ужин тоже пшено.

Наша полковая санчасть размещалась в одноэтажном доме с застеклённой верандой, небольшим двором, забором и воротами с калиткой. Войдя в дом, налево была веранда, направо жилые комнаты медперсонала, прямо дверь вела в прихожую, из которой направо – вход в перевязочную, прямо – в палату на **8** коек, далее через эту палату прямо вторая на **4** койки, командирская, в которой я лежал. Направо из командирской палаты дверь в столовую и дальше на кухню. В столовую был вход и из перевязочной. В глубине двора был сарай, между ним и домом – маленькая банька с ванной.

Дом этот стоял в двухстах метрах к востоку от железнодорожного вокзала, на склоне горы. Позже, когда санчасть перейдёт в штольню, прямое попадание бомбы его разнесёт.

За нами ухаживали две медсестры, обе Марии: Проскурина и Левицкая, пережившие войну. Я был настолько слаб, что еле передвигался. Поступивший с лёгким ранением лейтенант Пасечник из **6-й** батареи, с которым мы встречались под Одессой, не узнал меня, сказав, что я стал вдвое тоньше. Я глотал микстуры и Марии ежедневно, чередуя, ставили мне банки или горчичники, а Смотрицкая ругала, что я плохо ем. Воспаление лёгких дало осложнение – плеврит. Каждый вдох и выдох сопровождался хрустом плевры. Дыша, я это слышал. А постороннему, чтоб слышать, достаточно было приложить руку к груди.

Настал день, когда Эсфирь Леоновна Смотрицкая сказала мне, что с плевритом выписать на передовую она не имеет права, но и в условиях санчасти держать – тоже, и отправила с Проскуриной в **117-й** ППГ. Там поместили меня в

терапевтическую палату. Кроме микстур ежедневно прогревали грудь теплом электролампы.

Однажды при бомбёжке пострадало здание. Раненых развезли по другим госпиталям, я попал в **115-й** ППГ.

Должен сказать, что бомбёжка и артобстрел в городе переносятся тяжелее, чем в поле, на передовой. Такое моё личное ощущение.

В **115** ППГ я пробыл всего несколько дней. При обходе палаты военврач **2-го** ранга спросил:

- Что у Вас болит?
- Ничего не болит.
- Почему Вы тогда здесь лежите?
- Не знаю.

- Дайте его историю болезни. – Полистав историю болезни, он меня выслушал, выстукал и сказал: – придётся Вас назначить на эвакуацию.

- Не хочу я на эвакуацию.
- Почему?

- Хочу вернуться в свой **134-й** гаубичный артполк.

- Не могу я Вас отправить на передовую, в сырые окопы. Вас нужно ещё лечить.

- Так отправьте долечиваться в нашу полковую санчасть. Там очень хорошие условия. – И я стал расхваливать санчасть. Послушав и подумав, он сказал:

- Организм молодой, дело к весне и если в санчасти так хорошо, то можно и в санчасть, но ни в коем случае не на передовую.

И вот я снова в нашей полковой санчасти. Медленно, постепенно я крепну, но плевра трещит, не ослабевая.

Приезжал меня проведать Мезенцев. Командиром **5-й** батареи стал Ерофеев Михаил Герасимович. Оба дивизиона и **1-й**, и **2-й** уже на Северной стороне в **4-м** секторе вместе со **172-й** СД.

Маша Проскурина попросила меня научить её стрелять из пистолета. Стал с ней заниматься в её свободное время. Когда она стала свободно разбирать и собирать ТТ и более или менее научилась держать мушку в прорези прицела, я повёл её рядом на пустырь с отвесной каменной стеной, расставил банки из-под консервов, бутылки от шампанского и с **25-ти** метров стал сбивать одну за другой. Затем дал ей ТТ и велел сбить бутылку. Она выстрелила, бутылка осталась стоять, а она повернулась ко мне с улыбкой во всю свою симпатичную мордашку, с пистолетом в руке, дулом мне в

лоб и с пальцем на спусковом крючке. Я отшатнулся и, отводя её руку в сторону, крепко непечатно выругался. Щёки её густо запылали, она замкнулась и дальше стреляла молча, не смотря в мою сторону. В душе я раскаивался, что так вышло, всё же она мне нравилась. Виноват, конечно, я сам: надо было дать в магазине всего один патрон. Хорошо, что она машинально не нажала на спуск: этих строчек бы не было.

В конце февраля я был в морском экипаже, где нам из нашего полка и других частей торжественно вручали награды. Получил я орден Красной Звезды №**30049**. После торжественной части был ужин-банкет с вином. Много было рислинга, который я впервые попробовал, осталось ощущение кисло-кислого. Был награжден комбат 6-й батареи Яковлев, тоже Звезду получил. После ужина остались ночевать в экипаже на двухъярусных кроватях.

В разговоре с Яковлевым поделился о мистике со снарядом, дважды разорвавшимся. Выслушав, Яковлев сказал, что тогда же, в то же время, и он получил команду на ведение этого огня и, возможно, выстрелы его и моего орудия случайно совпали, и значит, я слышал полёт и разрыв снаряда 6-й батареи, поскольку батарея располагалась недалеко от моей. Всё стало ясно, я обрёл спокойствие.

Дважды приезжал Мезенцев, справлялся, когда же я выйду. Жаловался, что ему тяжело без заместителя по строевой, так как он стал командиром ГПП **514** (группы поддержки пехоты **514**-го СП) и нам в оперативное подчинение дали две батареи **76** мм пушек **905** АП, три батареи **82** мм миномётов, батарею **120** мм миномётов, а меня назначили его заместителем.

В последний его приезд, в марте, мы сидели в столовой в послеобеденное время, Мезенцев решил перекусить, ему принесли из кухни суп. Он из фляжки налил себе и мне **100** граммов спирта, открыл банку с баклажанной икрой. Выпив спирт, я попробовал икру, придвинул к себе банку и всю её без отдыха съел. Это за два месяца впервые ко мне пришёл аппетит.

Сборы мои были недолгими, я сел в машину к Мезенцеву и укатил к себе в дивизион, тайком от Смотрщицкой.

По дороге на КП дивизиона Мезенцев заехал на огневые позиции 5-й и 6-й батарей. Сейчас на этом месте, бывшем тогда пустынным, стоят дома и ограды индивидуальных застройщиков.

Командный пункт 2-го дивизиона был на обратном, южном скате высоты **49,0**, слева от железной и шоссейной

дорог. Справа-сзади, в **150** метрах, в блиндажах, врытых в железнодорожную насыпь, был штаб нашего полка. В наш КП вниз вели ступени, и вход закрывала дощатая дверь, перекрытие КП было сделано из двух рядов рельс с землей сверху. У входа стоял цинковый бак с водой и кружкой, и печурка, прямо стоял стол, направо была земляная лежанка с досками и сеном на них.

Познакомился с адъютантом старшим (начальником штаба) дивизиона капитаном Терравским Александром Степановичем, прибывшим к нам в полк в ноябре **1941** года, как и Лукашев, из **340**-го артполка. Это был очень эрудированный человек, прекрасный знаток артиллерии, очень спокойный, мягкий, с лёгкой иронией, но командир твёрдый в осуществлении приказов. Он был старше меня лет на **15**. Работать с ним совместно, разговаривать, слушать его рассказы из жизни было для меня всегда интересно.

На другой день я пошёл по боевым порядкам ГПП **514** для ознакомления и с инспекцией их расположения, оборудованности, живучести.

Поступило указание сверху принять меры для борьбы с ожидаемыми воздушными десантами противника. Всю работу по организации и ответственность по ПВО и ПДО Мезенцев возложил на меня. Пришлось мотаться по огневым позициям, взводам тяги и хозвзводам, составлять схемы противодесантных мер, проводить учебные занятия по отражению и уничтожению десанта.

Всю составленную ПВО и ПДО документацию сдал Терравскому, который копии отправил выше.

На организацию ПВО и ПДО, ГПП **514** ушло более двух недель, в дальнейшем я ходил и проверял их состояние, делая учебные тревоги.

НП дивизиона был на переднем скате высоты **49,0**, метрах в **500-700** от КП дивизиона. Через всю высоту на НП вела траншея – зигзагообразный окоп полного профиля.

Связь НП с КП и со штабом полка была проводная, были и радиостанции, Маркарян и Шакарян держали их наготове. Помкомвзвода связи старшина Чернецов Михаил Семенович весь провод, для уменьшения поражения его осколками, уложил под землю на глубину **20** см.

Чернецов находился, в основном, в боевых порядках пехоты **514**-го СП, в Бельбекском саду. Он проявил инициативу по сбору стреляных гильз ночами у немцев под носом, силами своих связистов и радиста Маркаряна.

Мы с Мезенцевым по очереди дежурили на НП. На передовой стояло затишье. Я проверял работу разведчиков,



вёл пристрелку реперов батареями 905-го артполка, отрабатывал действенность целеуказаний со всеми НП ГПП 514.

В мае, мне помнится, был приказ Сталина, смысл которого заключался в призыве учиться воевать. Пришёл нас проверять представитель начальника артиллерии армии. Вся документация по планам огня у Терравского была в отличном состоянии. После проверки документации мы пошли на наш НП. Оборудование НП нареканий не вызвало. Проверяющий, ознакомившись с планшетом и целями на местности, предложил Мезенцеву открыть огонь по пехотным окопам противника, ведя стрельбу на рикошетах. Это – редкий вид стрельбы, ограничиваемый дальностью и применяемый для огня по водным переправам, открыто движущейся пехоте и пехоте в окопах. Суть в том, что снаряд, на фугасном взрывателе которого закрывается специальный кран, удлиняющий время срабатывания взрывателя, в точке падения продолжает движение вперёд, как лемех плуга, через 4-5 метров выскакивает из земли и на высоте 6-8 метров разрывается. Радиус поражающего действия увеличивается, сам разрыв действует на человека психически более угнетающе. Мезенцев быстро провёл эту стрельбу, а за ним и я провёл пристрелку воздушного репера. Созданное Терравским СНД (сопряжённое наблюдение дивизиона) было высоко оценено инспектирующим.

По приказу Мезенцева, решившего запасные позиции боевых порядков батарей увеличить, эшелонировав их ещё дальше, вглубь обороны, я по согласованию с командирами батарей, выбирал места огневых позиций батарей и наблюдательные пункты дивизиона, часто бывал на 5-й батарее, иногда оставался у них ночевать.

Для недопущения появления цинги приказом по Армии обязывалось выпивать утром и вечером по кружке настоя дубовой коры и хвои. Микстура была горькая и противная, но пили.

Немцы стали сбрасывать листовки с ультиматумом сдаваться, иначе от города останутся руины.

Мы внимательно следили за событиями на Керченском полуострове и были огорчены уходом наших войск. Надежда, что и мы пойдём в наступление, рухнула. Стало ясно, что затишье скоро кончится.

В последнюю неделю мая немцы обрушили на город массивный бомбовый и артиллерийский удар, длившийся неделю каждый день, в течение всего светового дня от зари до зари.

А после города, получившего громадное разрушение, такой удар был перенесён по боевым порядкам войск. Причём самолеты не выискивали цели, а шли конвейером и сыпали бомбы по квадратам. Целый день в воздухе стоял гул моторов, вой падающих бомб и грохот разрывов. К этому ещё добавлялся грохот артиллерии. Полёт крупного мортирного снаряда походил на жужжание старого трамвая: жу-жу-жу...

Днём передвигаться почти было невозможно, такая была плотность огня. Ход сообщения на НП ежедневно во многих местах разрушался, ночью окопы восстанавливали.

Меня с двумя разведчиками и двумя связистами Мезенцев отправил на запасной НП северо-восточней станции Мекензиевы горы. Мы занялись земляными работами по углублению щелей НП и хода сообщения. Пятерка юнкеров-87, пикирующих бомбардировщиков, пошла в пике на высоту, на нас. В последнее мгновение их не видно, а слева и справа – разрывы, туча комьев поднималась вверх и падала, в том числе и на нас. Это впервые я попал под пикировщиков. Тяжело! Аж дыхание спирает.

4-го или 5-го июня в штабе полка парторганизация полка и политотдел 172-й СД провели массовый приём в члены ВКП(б), в том числе был принят и я по рекомендации Мезенцева и Лазова. Документов я так и не получил.

Позже, в декабре 1945 года, после госпроверки, в Бугуруслане я считал обязанностью доложить в горком партии, что был принят в партию. В горкоме один товарищ долго со мной беседовал, велел прийти через неделю, потом снова через неделю, каждый раз подолгу со мной беседуя, а затем задал вопрос:

- Что Вы хотите?
- Ровным счетом ничего. Я рассказал то, что было. А Вам решать, что со мной делать.
- Документы о приёме в партию у Вас есть?
- Но я же Вам рассказал, как обстояло дело.
- Эдак, каждый проходимец с улицы заявит, что он член партии. Уходите.

*«Хочу защищать город славы – коммунистом»*

*Недалеко от блиндажа, где идёт заседание партийного бюро, рвутся вражеские снаряды.*

*- Вы понимаете, какие задачи сейчас стоят перед коммунистом? – спрашивает тов. Фатичев.*

*- Понимаю, – отвечает младший сержант Левченко, – будучи коммунистом, я обязан удешевить удар по врагу, я должен быть всегда впереди, вести за собой бойцов.*

*Снайперский расчёт зенитного пулемёта, в состав которого входит тов. Левченко, сбил на днях два фашистских стервятника.*

*- Я хочу коммунистом защищать город славы, – пишет в своем заявлении лейтенант Шенгеляя.*

*За последние три дня принято в партию до 50 человек передовых артиллеристов, среди них старший лейтенант Кубарский, младший сержант Айдинов, разведчик Иосифов и другие.*

*Ефрейтор И.Балкарей*

*Дивизионная газета 172-й СД*

Итак, по указанию Мезенцева, я нахожусь на запасном НП дивизиона. Всё время, в течение светлого времени суток, идёт бомбёжка и артиллерийский обстрел всей глубины нашей обороны от передовых окопов до глубоких тылов. Плотность огня ужасающая, ещё нами невиданная.

Однажды, обойдя огневые позиции, я прошёл до самого северного последнего от города тоннеля. Он изогнут по дуге, длиной метров триста, потолок сводчатый, выложен из тёсаного камня, через равные промежутки в стенах полуметровые ниши для обходчиков.

7 июня немцы, усилив огневое наступление, пошли на штурм. 8 июня они навалились на 514 СП и 9 июня прорвали его фронт обороны. Я и раньше, при обходе ОП пользовался тоннелем для пережидания бомбежки или артналета, так как третьи запасные ОП были недалеко от северного портала тоннеля.

На этот раз, 9 июня, в нём оказалось значительно больше народа. Стемнело. Я уже хотел уходить, как какой-то красноармеец вбежал в тоннель с криком:

*- Автоматчики! Автоматчики!*

А я подумал: – уж не десант ли это? В тоннеле оказался полковник Ласкин И.А., он подозвал этого красноармейца, расспросил, отправил с ним отделение бойцов для прочесывания ближайшей ложины и уничтожения автоматчиков. Я решил дождаться результата. Отделение вернулось ни с чем: никаких автоматчиков нет. Тогда Ласкин И.А. потребовал у всех внимания и сказал:

*- Впредь, кто будет кричать про автоматчиков, а сам их не видел и не сможет указать, где они, будет расстреливаться на месте, как паникёр. Объявить это во всех подразделениях дивизии.*

Ночью Мезенцев оставил КП на высоте 49,0 и перешёл на запасной НП. Приказал Ерофееву и Яковлеву перейти на запасные НП. А гаубицу, специально поставленную Ерофеевым на высоте левее его НП метров в 50 и ведущую стрельбу прямой наводкой, при невозможности забрать, взорвать. Но Ерофееву удалось ночью потихоньку, под носом у немцев, оттянуть её на руках в ложину и автомашиной отвезти на ОП.

Едва забрезжил рассвет, стало ясно, что с этого НП нужно уходить, так как немцы оказались рядом с нами. Мезенцев ушёл на следующий запасной НП, велел мне пойти проверить фактическое состояние огневых позиций. Проверив их, я пошёл осматривать запасные.

Вот тут я спокойно описываю, что пошёл туда, пошёл сюда, однако следует сказать, что ходьба была отнюдь не спокойной. В воздухе стоял гул, слагавшийся из полёта самолетов, воя падающих бомб, их разрывов, полёта артснарядов и мин с присущим каждому калибру специфического тона и грохота разрывов, пения, фыркания, жужжания осколков. И если бы только эти звуки, а то ведь плотность огня такая, что даже в окопе или щели чувствуешь себя почти не защищённым, а выход наверх и перебежки от воронки к воронке требовали усилия над инстинктом

самосохранения. Мрачный эфир смерти витал кругом, был густ и вязок.

Пока я осматривал, велики ли разрушения на запасных ОП, на основных наступил кризис: прямо на огневые позиции вышли немецкие танки, и бойцам пришлось проявить стойкость и умение, чтобы отбить эту атаку.

С выходом немцев к станции Мекензиевы горы, КП дивизиона был переведён в Инкерман в скалу, где, как говорили, в древности был монастырь.

Идя на новый КП через железнодорожный тоннель, я видел в нём массу людей из самых разных подразделений. К 10 июня многие тыловые части, спасаясь от ужасного, плотного, ураганного огня, набились в тоннель, заскладировав в нём принадлежащее им имущество, в том числе гранаты ручные, пушечные, бутылки с горючей жидкостью против танков. Здесь я вторично увидел Марию Байду, но уже не в юбке, а в галифе, с автоматом, уходящую с бойцами из тоннеля.

Пришёл на КП, бойцы помогли устроить постель, надо было хоть одну короткую ночь поспать. Уснул не сразу: нервы были возбуждены, в ушах непрерывно стоял свист падающих бомб.

Ночью по приказу Мезенцева батареи ушли на запасные ОП, надо было проверить их противодесантную готовность, и я отправился вперёд.

Проходя тоннелем, я его не узнал, он оказался пуст, лишь несколько лошадей безмолвно стояли с пустыми глазницами, обгоревшей кожей, с текущей с губ слюной. Пахло гарью, смрадом, под ногами пылил пепел. Как узнал позже, случилось несчастье: бутылка ли с горючей смесью разбилась, граната ли взорвалась, но полыхнул взрыв, пожар, паника, были людские жертвы.

Когда я добрался до огневой позиции 5-й батареи, на батарею поступила команда Ерофеева на стрельбу по танкам и связь порвалась. Старший на батарее младший лейтенант Нафигин не растерялся и встретил танки огнём, подбив семь танков.

Вечером я вернулся на КП дивизиона, доложил Мезенцеву обстановку на огневых позициях и высказал сомнение в высадке немцами воздушного десанта.

---

### БЬЮТ ОРУДИЯ НАФИГИНА

*Когда нужно было открыть огонь по фашистским танкам, неожиданно порвалась связь, а танки были уже в 500 метрах от огневой позиции.*

*Тогда младший лейтенант Нафигин поднялся на небольшой холм, откуда хорошо были видны вражеские машины. Пока восстанавливали связь, командир быстро расставил несколько бойцов цепочкой, от холма к огневой позиции и стал передавать команды.*

*Орудия начали стрелять. Один за другим выходили из строя фашистские танки. 7 машин подбили орудия младшего лейтенанта Нафигина. Особенно отличился расчёт младшего сержанта Карпова.*

*Ст. лейтенант Б.Кубарский  
Дивизионная газета 172-й СД.*

---

На другой день Мезенцев велел взять разведчиков и связистов, подняться на южные Инкерманские высоты, выбрать и оборудовать НП дивизиона. Два дня я с бойцами оборудовал НП. Копали окоп и щели. Я установил стереотрубу и подготовил планшет для нанесения ориентиров и целей.

Во второй половине дня 13 июня Мезенцев велел мне спуститься на КП. Приказал установить личный контакт 2-го дивизиона с пехотным полком по указанию начальника штаба 134-го ГАП Л.И. Яценко, держать радиосвязь с КП дивизиона и, при необходимости, вести огонь дивизионом.

Со мной шли младший лейтенант Кравцов, прибывший к нам из 1-го дивизиона, два разведчика и два связиста с радиостанцией 6 ПК Маркарян и Шикарян. Засветло мы пришли в штольню, где я разыскал штаб нашего полка и Яценко Л.И., которого знал, так как он был несколько раз в санчасти, когда я лежал с плевритом. Яценко дал задание дивизиону на поддержку одного из полков 345-й СД, сказав, что штаб его находится в Северном тоннеле.

В район входа в штольню противник вёл артиллерийский огонь. Поэтому для входа и выхода надо было угадать, чтобы не попасть под снаряд или его осколки. Я встал у входа, моя команда за мной. Долго я так стоял, отдавшись внутреннему ощущению, уже несколько человек мимо меня вошло и вышло, бегом преодолевая площадку обстрела, двое были легко ранены. А я всё стоял. Сумерки стусились.

Наконец, не отдавая себе отчёта почему, я пошёл. Шёл по дуге, постепенно загибая влево к тоннелю. Всё было тихо. Мы уже отошли от штольни метров **400**, когда опять начался её обстрел.

Не торопясь, цепочкой мы шли на подъём, как вдруг передо мной в пяти метрах в землю врезался снаряд с глухим квакнувшим звуком и секунду фосфоресцировал. Ошеломлённый, я замер. Затем с криком – Ложись! – я бросился на землю и стал отползать в сторону. Снаряд не разорвался. Повезло. Я встал, и мы пошли дальше.

Придя в тоннель, я нашёл нужный мне штаб полка, объяснил мою задачу. Мне рассказали, как найти КП полка. Мы заночевали. В тоннеле опять было много народу. Штабы вдоль стен отгородились фанерками и плащ-палатками.

Утром мы двинулись к южному выходу, как вдруг тоннель сильно качнуло раз, другой, а от входа вглубь, нам навстречу бросилась толпа, сметая на своём пути фанерки, плащ-палатки и людей. Страшная вещь – паника!

- К стене! – громко скомандовал я своим, и, прижавшись спиной к стене, стал двигаться боком, пока не углубился в нишу. Из криков людей я понял, что тоннель бомбят самолёты тонными бомбами. Обрушился входной портал. Стало совсем темно, пыльно, не продохнуть. И каждая бомба, рвавшаяся наверху, вызывала качание стен. Невольно думалось, что, в конце концов, свод рухнет и это будет могила. Стало тошно на душе. Очередной удар бомбы, и вот кто-то рядом, потеряв самообладание, со стоном и хрипом, бесцельно махая руками, полез на стену через меня. Пришлось выругаться, резко оттолкнуть его. Странное дело: человек затих, став рядом, прильнув ко мне.

Затихло. Пыль стала осаждаться. Немного выждав, я позвал своих, и мы пошли к выходу. Чтоб выйти, пришлось карабкаться вверх по осыпи почти под потолок тоннеля.

Найдя КП полка, я представился, комполка обрадовался, но, увидев, что мои радисты ставят антенну радиостанции, возмутился и велел радиостанцию унести от КП подальше. У нас была неполная катушка провода на всякий случай. Я оставил на КП Кравцова, а сам пошёл выбирать место для НП.

Наметив, велел бойцам быстро зарываться в землю, сам же пошел на стоящую метрах в ста малокалиберную зенитную батарею, обслуживаемую моряками.

Только я познакомился с командиром батареи, как на неё налетели пикировщики. Дальше – провал...

Очнулся я в нашей полковой санчасти, в какой-то штольне со светлячками огней. Меня тошнило, иногда рвало, в глазах появлялись радужные круги, в голове стояли гул и боль, слышал я плохо. Встать и идти не мог, терял равновесие. Мне прокричали, что разведчики принесли меня вечером, откопав на батарее. Увидел я Марию Проскурину, к которой питал более чем добрые чувства, но она стала неулыбчивой, мрачно-серьёзной. Потом опять наступило сумеречное состояние, чередуемое небольшими моментами просветления сознания. Сколько я пролежал в санчасти не знаю. Однажды, в один из моментов просветления я уловил беспокойство окружающих. На мой вопрос я еле услышал ответ, что к штольне подходят немцы. Дальше у меня остались в сознании лишь отдельные куски видений, не связанные друг с другом. И что было раньше, что позже, утверждать не могу.

...Нас несколько человек ехало в автобусе санчасти. Мы оказались рядом с бывшей нашей санчастью, разбомблённой...

...Помню, что санинструктор или фельдшер, возможно Трофимчук, кормил меня кашей, но не пшенной, а рисовой, и это меня крайне удивило...

...Нас двое. Зной. Адская головная боль. Кругом рвутся снаряды, бомбы. Рядом шлёпаются осколки. Мне безразлично. Санинструктор втиснул меня в какую-то ямку...

...Мир окружающий нереален, как в дымке, туманно. Он сам по себе, а я сам по себе. Уловил рядом громкий разговор. Обрадовался, что начал лучше слышать. Кажется, говорят обо мне и в госпитале, значит, увезут в госпиталь...

...Какая-то новая местность. Где мы? – спросил я.

- Казачья бухта, – ответил кто-то, – будет эвакуация...

... У меня сильно болит левая рука, она забинтована. Перелом?...

...Просветление. Никого. Думаю. Надо идти в дивизион. Встал, пошатывается, но идти можно. Куда шёл, не знаю. Вечерело. У кого-то просил есть...

...Со мной три бойца, кажется из нашего дивизиона, и мы у Херсонесского маяка...



Часовня на итальянском кладбище на Гасфор-  
товой высоте.

Chapelle du cimetière italien sur le mont Gasfort.



Севастополь.  
Итальянское  
кладбище

Часовня  
на итальянском  
кладбище  
на горе Гасфорта.

Фото [1941 - 1942] г.











Кубарский Борис Александрович. Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., лейтенант, командир батареи 134 гаубичного артиллерийского полка 172 стрелковой дивизии Приморской армии.  
Из фондов НМГООС

Фото 1941 г.

№ п/п	Фамилия, имя, отч.	Имя	Фамилия	Командирский номер	№ п/п	Время поступления в армию	Время окончания службы	Место службы	Звание	Служба	Дата
11	Звонков Александр	Александр	Звонков	100	120	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
12	Звонков Александр	Александр	Звонков	101	121	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
13	Звонков Александр	Александр	Звонков	102	122	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
14	Звонков Александр	Александр	Звонков	103	123	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
15	Звонков Александр	Александр	Звонков	104	124	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
16	Звонков Александр	Александр	Звонков	105	125	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
17	Звонков Александр	Александр	Звонков	106	126	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
18	Звонков Александр	Александр	Звонков	107	127	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
19	Звонков Александр	Александр	Звонков	108	128	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
20	Звонков Александр	Александр	Звонков	109	129	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
21	Звонков Александр	Александр	Звонков	110	130	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
22	Звонков Александр	Александр	Звонков	111	131	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
23	Звонков Александр	Александр	Звонков	112	132	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
24	Звонков Александр	Александр	Звонков	113	133	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
25	Звонков Александр	Александр	Звонков	114	134	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
26	Звонков Александр	Александр	Звонков	115	135	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
27	Звонков Александр	Александр	Звонков	116	136	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
28	Звонков Александр	Александр	Звонков	117	137	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
29	Звонков Александр	Александр	Звонков	118	138	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941
30	Звонков Александр	Александр	Звонков	119	139	1938	1941	134 гаубичный артиллерийский полк	лейтенант	командир батареи	1941

ЦАМО. Документ, уточняющий потери от 16.06.1944 г. Кубарский Б.А.

29. Статья 27 приказа ГУК НКО № 02313-1943г. в отношении лейтенанта ОРЛОВА Ивана Алексеевича, исключенного из списков Красной Армии, как погибшего.

1912г.рождения, б/п.  
Сестра ОРЛОВА Александра Алексеевна -  
г.Кудымшев, ул.Водников 41.

Находился в плену фашистской Германии с 20.10.1943 года по 15.2.1945г. Репатрирован и находится в 1 запасной стрелковой дивизии.

30. Статья 16 приказа ГУК НКО № 0431-1945г. в отношении младшего лейтенанта АСТАФЬЕВА Сергея Матвеевича, исключенного из списков Красной Армии, как пропавшего без вести.

1914г.рождения,  
жена АСТАФЬЕВА Клавдия Сергеевна -  
Пово-Буянский р-н. пос.Качевия.

Находился в плену фашистской Германии с 27.7.1941 года по 3.5.1945г. Репатрирован и находится в 1 запасной стрелковой дивизии.

31. Статья 30 приказа ГУК НКО № 02424-1944г. в отношении старшего лейтенанта КУВАРСКОГО Бориса Александровича, исключенного из списков Красной Армии, как пропавшего без вести.

1921г.рождения, в КА с 1939г.  
Мать КУВАРСКАЯ Р.П. -  
Чапавский р-н. с.Каменный.

Находился в плену фашистской Германии с 3.7.1942 года по 27.4.1945г. Репатрирован и находится в 1 запасной стрелковой дивизии.

32. Статья 28 приказа ГУК НКО № 0689-1945г. в отношении младшего лейтенанта БОРОВИЧ Сергея Яковлевича, исключенного из списков Красной Армии, как пропавшего без вести.

1909г.рождения, урож. г.Уфа. Баш. АССР.  
Жена БОРОВИЧ Лидия Антоновна -  
г.Кудымшев, ул.Фрунзе, 156.

Находился в плену фашистской Германии с 25.9.1941 года по 10.6.1945г. Репатрирован и находится в 12 запасной стрелковой дивизии.

33. Статья 59 и 79 приказов ГУК НКО № 0688 и 0369 - 1945 г. в отношении воентехника 2 ранга БОБРОВА Эмтора Саменовича, исключенного из списков Красной Армии, как пропавшего без вести.

1912г.рождения,  
Жена БОБРОВА Клавдия Сергеевна -  
г.Свердлов,

Находился в плену фашистской Германии с 22.9.1941 года по 6.5.1945г. Репатрирован и находится в 1 запасной стрелковой дивизии.



Халамендык Даниил Васильевич. Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., майор, командир 3 дивизиона 134 гаубичного артиллерийского полка 172 стрелковой дивизии Приморской армии.

*ЦАМО. Приказ об отмене исключения из списков от 16.11.1945 г. Кубарский Б.А.*

Из фондов НМГООС

Фото 1940 г.





Матюхин Алексей Павлович.  
Участник обороны Севастополя 1941-1941 г.г.,  
капитан-лейтенант, командир 701 батареи.  
Погиб в 1945 году

Карточка № 435

1. Фамилия Матюхин 2. Имя Алексей  
 3. Отчество Павлович 4. Военное звание Кай. л-т  
 5. Наименование части 187 ОАБ.  
 6. Занимаемая должность Кр батар. 701  
 7. Уроженец Рязанск. обл. Федотовский р-н  
с. Ковдино.  
 8. Год рожд 1912 9. Партийность Вакер 10. Национал русский  
 11. Соц. положение раб.  
 12. Кем призван \_\_\_\_\_  
 13. Время и причины выбытия Фронт (смерть 3-7.4г.)  
 14. Где похоронен (ДР) КЧ. № 337 от 6.10.42г.  
 15. Адрес родственников мама! Москва, Брест. Кооп.  
Мещ. Заветена со отцом КЧ  
Улиц. Сер. и. Ленинград ул. К. Маркса 172-б/1 1941 г. 4г.  
бу. Подпесевия  
 14 4 1943г. Подпись АЧ

ЦВМА. Картотека безвозвратных потерь. Матюхин А.П.



Гирявенко Василий Филиппович. Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., лейтенант, командир батареи 134 гаубичного артиллерийского полка 172 стрелковой дивизии Приморской армии.

Из фондов НМГООС

*Фото 1940 г.*



Хворостов Илья Никифорович. Участник обороны Крыма 1941 г., командир дивизиона 134 гаубичного артиллерийского полка 172 стрелковой дивизии Приморской армии.

Ранен у поселка Гурзуф, погиб 5.11.1941 г. с санитарным транспортом «Армения».

Из фондов НМГООС

*Фото 1941 г.*





Чебанчук Владимир Максимович. (Верхний ряд слева)  
Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., красноармеец, фельдшер  
134 гаубичного артиллерийского полка 172 стрелковой дивизии  
Приморской армии.

Из фондов НМГООС

Фото 1941 г.



Воины одного из дивизионов 134 гаубичного артиллерийского полка  
172 стрелковой дивизии Приморской армии:

Макаренко - командир отделения разведки, Плахотный - старшина  
дивизиона, Багаев - разведчик, Фабинюк - начальник штаба.

Из фондов НМГООС

Фото 1941 г.



Орудийный расчёт мл. сержанта Н.И. Зубова 134 гаубичного артиллерийского полка  
172 стрелковой дивизии Приморской армии ведёт огонь по противнику.

Из фондов НМГООС

Фото 1942 г.





Киктенко Пётр Иванович.  
Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., мл. сержант,  
командир орудия 134 гаубичного артиллерийского полка  
172 стрелковой дивизии Приморской армии.

Из фондов НМГООС

*Фото 1942 г.*



Лукашевич Андрей Сергеевич.  
Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., красноармеец, наводчик  
орудия 134 гаубичного полка 172 стрелковой дивизии Приморской армии.

Из фондов НМГООС

*Фото 1942 г.*



Октябрьский Илья Федотович.  
Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., полковой комиссар,  
военком 134 артиллерийского гаубичного полка 172 стрелковой  
дивизии Приморской армии.

Из фондов НМГООС

*Фото 1942 г.*



Ключко Андрей Васильевич.  
Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., лейтенант, адъютант  
старший 1-го дивизиона 134 гаубичного артиллерийского полка  
172 стрелковой дивизии Приморской армии.

Из фондов НМГООС

*Фото 1942 г.*



Шмельков Иван Федосеевич.  
Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., майор, командир 134 гаубичного артиллерийского полка 172 стрелковой дивизии Приморской армии.

Из фондов НМГООС

*Фото 1942 г.*



Шаров Иван Александрович.  
Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., лейтенант, командир истребительно-противотанкового артдивизиона 134 гаубичного артиллерийского полка 172 стрелковой дивизии Приморской армии.  
Погиб в 1943 г. Герой Советского Союза (Указ Президиума Верховного Совета от 21.04.1943 г., посмертно). *Фото 1942 г.*

Из фондов НМГООС





Злидер Владимир Алексеевич.  
Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., сержант,  
командир орудия 134 гаубичного артиллерийского полка  
172 стрелковой дивизии Приморской армии.

Из фондов НМГООС

*Фото 1943 г.*



Черный Иван Александрович.  
Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., красноармеец,  
связист 134 гаубичного артиллерийского полка  
172 стрелковой дивизии Приморской армии.

Из фондов НМГООС

*Фото 1945 г.*





Бойко Дионисий Парамонович.  
Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., лейтенант, командир  
огневого взвода 134 гаубичного артиллерийского полка 172 стрелковой  
дивизии Приморской армии.

Из фондов НМГООС

*Фото 1941 г.*



Капитан 2 ранга Бойко Дионисий Парамонович.

Из фондов НМГООС

*Фото 1953 г.*



Чернявский Константин Яковлевич.  
Участник обороны Севастополя 1941-1942 г.г., капитан (майор), начальник  
штаба 134 гаубичного артиллерийского полка 172 стрелковой дивизии  
Приморской армии.  
Погиб осенью 1941 г.

Из фондов НМГООС

*Фото 1941 г.*



Чернявский Константин Яковлевич.

Из фондов НМГООС

*Фото 1941 г.*



Чернявская Валентина Леонтьевна у могилы мужа. Мекензиевы горы.

Из фондов НМГООС

*Фото 1967 г.*





Кубарский В.А. с однополчанами. 1966 г.



Кубарский Борис Александрович.

Из фондов НМГООС

Фото 1966 г.



Ветераны 134 гаубичного артиллерийского полка 172 стрелковой дивизии Приморской армии. Москва. 17.04.1977 г.



Дорогой Однополчанин,  
В.И. Лучинкиной  
В память защиты  
Севастополя  
ЗНАГ АП 95 Блугарин  
Менделеев 23.05.88  
Менделеевы гор. Памятник 134 ГАП  
09.05.1987 г.

Кубарский Б.А. у памятника 134 гаубичному артиллерийскому полку. Севастополь, Мекензиевы горы. 09.05.1987 г.



Ветераны 134 гаубичного артиллерийского полка 172 стрелковой дивизии Приморской армии у памятника 134 ГАП в Севастополе.







Уважаемая редакция!

Примите мою благодарность за статью М. Байсака "Порькая правда бойни", пролившуюся бальзамом на раны души моей. Спасибо!

Материал этот — пролив в атмосфере убогого умалчивания и некажених правды о последних трагических днях героической обороны Севастополя. Однако стыдно обязательным говорить правду всю до конца.

Командование Севастопольским оборонительным районом и Черноморским флотом, сберегая свои кружные военные корабли, не обеспечило необходимого количества беззатаса, особенно для артиллерийской Приморской армии, на тот период — основной огневой мощи в борьбе с противником.

Для ведения успешных оборонительных боев сущность потребности артиллерии составляла минимум 600 тонн снарядов. Не было сделано их запаса в период относительного затишья в январе — мае 1942 г., а в ходе боев третьего штурма в июне доставлялось всего лишь 180-200 тонн.

Таким образом Приморская армия — защитница главного бама флота — была обречена на поражение еще до начала первого штурма.

Знал и предвидя это, флотское командование, вероятно, сознательно не разрабатывало и не ставило во главе перед Ставкой Верховного Главкомандования о возможности возникновения необходимости эвакуации Приморской армии, все по той же причине, поскольку для эвакуации Приморской армии нужно будет приехать кружные корабли, часть которых может погибнуть.

28 июня 1942 г. командующий Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский приказал подвозить лодкам Ш-209 и Ш-28 лодки на причал у 35-й батареи береговой обороны — канцелярия пункта СВРП, — а в 9 ч. 50 мин. 30 июля отпарил наркомашу Умар и Л. Кирзнецову телеграмму в просьбой разрешить уехать на Кавказ к флоту и взять с собой 200-300 человек ответственных работников и командиров. Ответ наркома пришел в тот же день: " ... эвакуация ответственных работников и ваш выезд на Кавказ Ставкой разрешен. Кузнецов."

В ночь на 1 июля круг лиц, определенных Ф. С. Октябрьским, отбыл от 35-й батареи на Ш-209 — 88 человек, на Ш-23 — 17 человек и с Херсонского аэродрома на 13 самолетах Пе-44 московской группы особого назначения, переброшенной для этой эвакуации — 222 человека. Всего — 427 человек.

Оставленный за Октябрьского генерал-майор П. П. Новиков убит в следуюющую ночь на сторожевом катере № 112.

Армия уже вражеская, а Военный совет Севастопольского оборонительного района во главе с Ф. С. Октябрьским ушел на Кавказ, покинув "мошки" армян. Это вызвало в оставленной армии создание на демократической основе Военного совета из полевых командиров, продолжавших командовать боями и вселивших надежду у связавшихся на эвакуацию.

Чтобы оправдать свое богатство и испрошенный мир по эвакуации Приморской армии, Октябрьский и Кулаков в своем последнем боевом донесении в Ставку

ВТК, отпаренном уже из Новороссийска 1 июля 1942 г. в 21.15 мин. (по по возможности на 24.00 мин. 30 июля 1942 г.), многократно занижают численность морской армии — 5500 человек!!!

Эта ложная цифра потом выдана в книги, справочники, энциклопедии о героической обороне Севастополя.

По настоянию Ставки Октябрьский послал в Севастополь корабль, — сторожевой катер № 10-IV, — суденышко с деревянной обшивкой, длиной 25 метров, шириной — 4 метра и осадкой 1,5 метра, со скоростью хода Севастополь — Новороссийск 18-20 узлов и максимальной загрузкой около 50 человек.

Разве это эвакуация? Каемашка.

Но если смогли приехать эти слабооборуженные и тихоходные лодочки, то более совершенные — крейсера, эсминцы тем более могли бы прийти за защитниками Севастополя. Но вдруг какой-нибудь корабль пошлей? Жалко. Ведь кораблей мало, а людей уже до эвакуации палили — палили. Почему, что Черноморский флот был в плену чужой Приморской армии.

И поведил. Газета "Флаг Родины" и № 57 7 июня 1942 г. стр. 3 в статье "Проекты с морским пейзажем" сообщила:

"... — В Севастополе много памятников. Нужен ли нам еще один, который бы звал нарекания людей?"

— Вы имели в виду мемориал защитникам Севастополя? Надо сказать, что это творческая работа авторского коллектива. А между тем на возведение мемориала уже ушло более 600 тысяч рублей. Сейчас надо демонтировать памятник и некачать финансы. Нам в этом вопросе поддерживают Совет Министров СССР, Государственный банк. Все дело в Совете Министров СССР, думается это решение падать уже не должно."

А что же предлагается взамен? Полное забвение защитников Севастополя? Неужто забыли имя мирную главу Севастополя да и его защитники? И нас не поинтересуют потомки и люди мира, если мемориала не будет.

Надеемся на публикацию моего обзора на статью М. Байсака.

20 июля 1942 г.

Блударев

Кубарский Борис Александрович  
277039 г. Кисловодск, ул. Энгельса 10 и 12  
Тел. 626-889

Письмо Кубарского Б.А. в редакцию газеты



Людмила, Валентина,  
Ивановна.  
Извещаю Вас о том, что 19 января 1991  
на 70-м году жизни в г. Алма-Ата  
скончался наш дорогой Борис Александрович  
Кубарский.  
Похоронен он в г. Алма-Ата на Северном  
кладбище на аллее "Герои" с почестями.  
Мне очень обидно за него, что он был  
так необоснованно оклеветан Советом ветера-  
нов. Всё же немного писал об этом, но  
подтверждающих его невиновности. Он очень  
переживал этой инцидент.  
Я доказывать ничего не собираюсь, пусть  
Бог будет им судьба.  
С уважением к Вам. Вера Тихоновна  
Кубарская.  
4/02-91г

Письмо с извещением о смерти Кубарского Б.А.  
Предоставлено Председателем Совета Ветеранов  
Приморской армии – Лучинкиной Валентиной Ивановной.



Северное кладбище г.Алматы.  
Аллея Героев Великой Отечественной войны,  
на которой похоронен Кубарский Б.А. Фото 2012 г.

...Какое-то помещение круглое, каменное, заглубленное, полно народу. Снаружи вихрь, буран разрывов. Жарко, душно. Мне тошно, говорю бойцам:

- Я ухожу отсюда.

- Опасно, – говорят они.

- Всё равно где, – вышел по ступенькам вверх и заковылял от воронки к воронке. Бойцы за мной. Остановились передохнуть в глубокой воронке. Один боец говорит:

- Смотрите! Мы ушли, а туда бомба...

...Ночь. Я иду один. И надо же! набрёл на Мезенцева. Он покричал мне, что орудия взорваны и надо ждать эвакуации. Я успокоился, мне захотелось спать. Невдалеке увидел землянку, кто-то там уже спал, прилёг рядом. Прихожу в себя – меня трясёт. Прошу рядом лежащего подвинуться, потолкал его, молчит. Взял за руку – она окоченевшая. Встал от трупа и пошёл к Мезенцеву, но его тут уже не оказалось...

...Высокий, скалистый обрыв в море. Обрыв изрезан морем, много разной величины осколков берега хаотически лежат на кромке берега. Кругом много народа, бойцов и командиров. Рядом Уваркин. Он разговаривает с окружающими, я не слышу. Наверное, они из нашего полка. Уваркин дал сухарь. Сгрыз его. Захотелось пить. Спустился из пещерки к воде, оттолкнул мерно колыхаемые волной трупы, пригоршней напился...

...Лежу в пещерке. День. Зной. В голове – расплавленный свинец. Неосторожное движение левой рукой – боль. Рука распухла. Тупо смотрю перед собой. Вот лежит внизу большой плоский камень и на нем силуэт человека. Откуда здесь на скальное изображение человека в натуральную величину? С воем летят снаряды в море и становятся столбами воды, отвлекая от скального изображения. Вдруг за кромкой камня я замечаю белые ступни. Долго смотрю, не понимая. Наконец сообразил, что это силуэт раздавленного человека в толщину картона, а ступни оказались между камней. Солнце и море кровь вымыли...

...Меня удивила тишина. Нет артогня. Наверху немцы. Говорят, что они кричат: – рус, сдавай! Стреляю вверх в немцев из своего ТТ. Остался один патрон. На моих глазах один сержант сидел на корточках, поставив автомат меж ног и поглаживая его, потом быстро выстрелил себе в лоб. А мне? Стреляться? Не стреляться? Уваркин забирает у меня из рук ТТ и, высунувшись из-за камня, стреляет в немца, тот сваливается с обрыва и разбивается о камни. Всё. Стреляться нечем. Кидаю ТТ в море.

...Гортанные немецкие крики рядом. Пинок сапогом под зад. Уваркин помогает мне подняться. И мы в общей нескончаемой цепи медленно бредём вверх. Внизу стучат короткие автоматные очереди: немцы добивают раненых, не могущих встать. Наверху пожилой старшина быстро свинчивает с моей гимнастерки орден Красной звезды и забрасывает в море. Смотрю на него недоуменно...

- Убьют! – кричит он мне в ухо.

Наверху немцы бегло всех осматривают. Один внимательно посмотрел на меня, снял пилотку, нахлобучил обратно и толкнул дальше. Мы шли к построенной уже колонне пленных мимо нескольких групп, уложенных на землю рядком, убитых немцев и в груди шевельнулась радость...

...Весь день мы шли к городу, через город, через Инкерман в Бельбекскую долину. Едва дошли. Уваркин меня поддерживал. И ещё кто-то...

...Когда проходили мимо железнодорожного вокзала, жители, женщины в основном, отважно бросились к колонне, сунув нам в руки куски еды и банки, бутылки с водой, несмотря на крики и стрельбу конвоя.

На выходе из города на Лабораторном шоссе я почувствовал, что не могу идти. Уваркин и другие меня поддержали. Многие на подъёме этого извилистого шоссе садились, не могли встать, и были убиты автоматными очередями конвойных. Это видение и звук очередей до сих пор навязчиво меня преследуют...

...Перед спуском в Инкерман, на самом высоком месте, Уваркин сказал, что колонна пленных растянулась и не видно ни её начала, ни её конца...

...Меня остановил какой-то румынский нижний чин, заботливо посадил на камень, осмотрел мои хромовые сапоги, стянул их с ног и ушёл. Теперь надолго я буду идти босиком...

...Почти в сумерках спустились в Бельбек. Здесь говорят, ночевали, но я не помню этого...

...И ещё целый день пути до Бахчисарая...

...Южный пологий склон возвышенности оцеплен проволокой. Внизу вход в виде деревянной арки. От неё периодически раздаётся голос радиодинамика:

- Евреи, комиссары, командиры – на выход...

...Солнце...Тени нигде нет... Жара... Голова и рука болят...

Совершенно не помню, какую пищу, когда, как ел...



...Уваркин уходил, пришёл и рассказал, что какой-то тип за сигарету у немца указал на комиссара...

Много позже, летом 1945 года, я постарался с помощью товарищей вспомнить весь путь в плену и записал даты. Запись сохранилась. Эти даты я и буду приводить. На этом подбахчисарайском склоне мы с Уваркиным пробыли с 6 по 17 июля. Помню, что ежедневно умирало от дизентерии 5-10 человек.

...Уваркин был легко ранен в мякоть голени мелкими осколками неглубоко, выковыривал их и дезинфицировал ранки собственной мочой...

...Здесь он мне признался, что хотел меня убить за удар пистолетом по щеке, но потом всё же понял, что он был неправ...

Из рассказов его о себе помню лишь, что он был женат, были дети, работал кладовщиком в колхозе и больше ничего не помню, даже его имени.

Здесь, в этом лагере, заботясь обо мне, он снял мои знаки различия и спорол петлицы, чтобы не видно было, что я командир. 17 июля стали строить колонну, и Уваркин потащил меня в строй. Шли день. Пришли в Симферополь. Лагерь на территории картофелехранилища. В нём был с 17 по 20 июля.

...Мы с Уваркиным лежим в тени под стеной полузаглубленного в землю одного из хранилищ. К нам подошёл рыжеватый человек, заговорил с Уваркиным, он – воентехник ружейной мастерской нашего полка, фамилия Беленький. Он прилёт рядом с нами. Немного погодя подходит человек южного типа, указывает на Беленького и меня, велит встать и идти за ним.

Он полицай, у него на рукаве какая-то тряпка, отводит нас в сторону и говорит:

- Вы жиды? Почему не вышли, когда объявляли? – Беленький ответил отрицательно, я тоже.

- Ну, тогда пошли, – и повёл нас. Приходим к загородке из металлической сетки, полицай открывает калитку и в глубине под навесом подводит нас к немцу, сидящему за столом.

- Вот два юде, проверяйте.

Немец заговорил чисто по-русски, обращаясь к Беленькому:

- Расстегните ширинку, выньте член, – и, глянув, коротко бросил, – юде. Повернулся ко мне:

- Показывайте, – посмотрел, заглянув слева и справа, – возьмите за головку, поднимите вверх, – и сказал, – нет.

Тогда полицай, оставив Беленького, повёл меня через весь лагерь в какое-то помещение, где вдоль стен сидели южане. Остановившись у входа, он стал с ними говорить на каком-то языке. После небольшого галдежа полицай обратился ко мне:

- Ну, давай.

- Чего?

- Показывай член. – Я вынул. Сидевшие опять загалдели и отрицательно закрутили головами. Тогда полицай резко сунул мне в глаза два пальца.

- Ага, моргаешь, значит жид. – Кто-то засмеялся.

До этого я всё делал, двигался как-то апатично, всё было как сквозь дымку, нереально, и мне было всё равно. А тут во мне вскипела злость, и я непроизвольно так же сунул ему в глаза два пальца, воткнув их в его брови.

- Сам моргаешь, ублюдок, – следом я выдал набор такой нецензурщины, что у него глаза на лоб полезли и сидевшие настороженно притихли.

- Уходи, – сказал полицай. Я повернулся и ушёл. Рассказал Уваркину о происшедшем. Он сказал, что я весь оброс чёрной щетиной и это вызывает подозрение.

- Я видел, когда мы лежали, что по противоположной стороне несколько раз проходил старшина (он сказал его фамилию и из какого он подразделения нашего полка, но я не запомнил) и поглядывал в нашу сторону, а затем прошёлся с этим полицаем. Полицай Вас в покое не оставит. Сейчас вон там строят для отправки эшелон. Идите, я останусь, что-то нога разболелась, – сказал он.

И я пошёл. Это была отдельная выгородка. Стояли две колонны пленных и полицай кричали:

- Рядовые, строиться налево, командиры, строиться направо.

Я остановился и наблюдал разных людей с разным поведением. Вот двое идущих пошли в разные колонны. Вот тройка, быстро горячо говоря, направляется нерешительно в одну сторону, затем разворачивается и идёт в другую. А вот этот человек уже в четвёртый раз постоит-постоит в одной колонне, а потом перебегает в другую. Эти бегающие туда-сюда заставили меня задуматься. Почему они перебегают? Куда мне стать? Что это – коварный способ отобрать комсостав и уничтожить? Но если и так, то надо принять это с командирской гордостью, достоинством и честью. Всё равно с момента пленения жизни уже нет. Видя свое «Я» только в двух

состояниях: борющимся, не задумываясь отдающим свою жизнь за Родину, либо не борющимся, то есть отдавшим всё за Родину – свою жизнь, я, вдруг, оказался в непредвиденном третьем состоянии – не борющимся, но живым. Пока живым. Зачем такая жизнь? Значит, встану в командирскую колонну. Обе колонны привели к товарным вагонам, набили поплотней и привезли в Джанкой.

В Джанкое, в лагере, был с **20** по **25** июля. Лагерь располагался в поле на окраине Джанкоя, у поросшего камышом озера. Лагерь был обозначен кольями, по которым было прибито две проволоки. С двух противоположных сторон лагеря были ворота. С внешней стороны проволоки сторожат полицаи-татары. Сторожат истово, строго. В основном молодёжь. Днями шныряют внутри лагеря, присматриваясь, кого-то выискивая.

В лагере обе колонны рядовых и командиров снова смешались. Два раза утром и вечером метрах в ста от лагеря выдавали по черпаку баланды – жидкой смеси крупы с трухой. Откуда у меня взялась консервная банка **0,8** литра, не знаю, но в неё я получал баланду. Вероятно и банка, и ложка – результат заботы Уваркина. Вспомнил слова Уваркина о моей щетине и за пайку хлеба весом **150** грамм, выдаваемую раз в день, побрился наголо у парикмахера – нашего же пленного, ставшего предпринимателем. Голове стало легче от снятой корки пота с пылью и песком.

Теперь я один. Перехожу от группы к группе, где ведутся разговоры, споры. Слушаю. Темы разговоров самые разные, но по большей части, две: разговоры о жратве или случаи с ней связанные и споры политические о колхозах, о ежовщине, о власти советской и т.д. Как в том, так и в другом случае можно было услышать самые невероятные вещи.

Поинтересовался у нескольких человек, почему в Симферополе командиры становились в колонну рядовых, а рядовые наоборот. Мотив комсостава был один – боялись уничтожения. Это можно было понять. А вот рядовые, оказывается, становились в колонну командиров, думая, что командиры будут лучше кормить. Это меня удивило и озадачило.

Однажды, перед утренней баландой, возле ворот лагеря собралась группа человек сорок немцев, татар, кавказцев, среднеазиатцев, много седобородых старцев. Нам громко объявлено:

- Построиться по три и при выходе из ворот каждому вынуть половой член.

Слышу, молодой белокурый парень очень нервно, взволнованно говорит, что у него была болезнь – фимоз и ему хирург сделал обрезание, и теперь ни за что он будет расстрелян.

Итак, начался парад мужских членов. Два немца осматривали шеренгу за шеренгой, иногда выталкивая кого-либо в сторону. Было тихо. Слышались только резкие крики этих немцев:

- Нэкстэ... хальт... аб... нэкстэ, хальт...ду, прауз!

Когда все прошли, получили баланду и вошли в лагерь, выведенных из строя оказалось около **20-30** человек. Их подвели к смешанной, разнорасовой комиссии, которая часть отпустила в лагерь, а часть была уведена полицаями, как видно, на уничтожение.

Смотрю, бежит сокрушавшийся парень с сияющим лицом:

- Отпустили!

**25** июля нас погрузили в вагоны и **28** июля привезли в Днепропетровск. В вагоне душно. Лежали один возле другого вплотную, головами к стенам, ногами к середине. Ночью ноги вытянешь, положишь их поверх чужих ног, потом просыпаешься от боли: это ноги уже на самом полу, на них гора чужих ног. И так всю ночь.

В Днепропетровске нас загнали в бывший Екатеринославский централ-тюрьму. Разместили по блокам. Я попал на второй этаж в маленькую камеру, куда нас затолкнули **29** человек. Мы смогли уместиться на цементном полу только лежа на боку плотно друг к другу. Ночью, если один повернётся на другой бок, то и все вынуждены поворачиваться.

Через пару дней двери камеры открыли и мы свободно ходили по этажу, то есть в коридор и другие камеры, а выход с этажа был закрыт.

В конце коридора стояли парашаи.

Моим соседом по камере был некто Сафонов – худощавый, тщедушный и молчаливый спокойный человек, это всё, что осталось о нём в моей памяти.

Всё же с моей головой что-то не в порядке: трое в нашей камере стали играть в карты и пригласили меня четвёртым. Я старался, но чувствовал в голове какое-то затемнение, притупление, очень трудно было сообразить, как ходить. Мой визави возмущался моими ходами, а потом они меня прогнали. Было неприятно. Но в тоже время легко, что не

нужно напрягать мысли. Кормёжка – двухразовая баланда с кусочком хлеба.

Во двор нашего блока загнали большую партию пленных. Вечер и ночь шёл дождь. Все промокли. Замёрзли. Утро было облачное. Но вот выглянуло солнце и все, кто был во дворе, грянули ура. Немцы переполошились.

27 августа нас отвели к железной дороге, снова в товарные вагоны и повезли на запад. Двое лежавших под окошком рядом со мной, как я понял, из местных, решили бежать через окно – ночью стали распутывать проволоку.

Я попросился в компанию, они не отказали, и я стал им помогать. Большинство в вагоне уже спало. Нашу возню у окна услышал майор Рождественский (это позже, в лагере 3218, я узнал его звание и фамилию), поднял весь вагон и сказал:

- Прекратите немедленно. Вы убежите, а немцы за вас нас расстреляют.

Его поддержало большинство, нас оттащили от окна.

На одном из перегонов поезд шёл на подъём, медленно. Вдруг часовые открыли частый огонь, пуская осветительные ракеты. Когда нас выгрузили 1 сентября во Владимирво-Волынске, я узнал, что это был побег из нескольких вагонов.

В 1966 году на встрече однополчан 134 ГАП в Севастополе (25-летие начала обороны) я узнал, что в ту ночь совершили побег Л.И.Ященко и Халамендык.

Во Владимирво-Волынском лагере эшелон прибывших поместили в карантин: длинное серое здание казармы с большими комнатами, обнесённое кругом проволочной изгородью в 5-7 метрах от здания. Сафронова я где-то потерял и снова бродил один. Нас вывели из карантина, каждого тщательно обыскали, отобрали ножи, бритвы, железяки, оставив только банки да ложки, остригли под машинку, составили пофамильный список и перевели в основной лагерь. Помню большой двор, кухню и несколько казарменных корпусов. В корпусе были дощатые двухъярусные деревянные кровати. Как видно, с головой моей было худо. Пребывал я в каком-то полусумеречном, отрешённом состоянии, почти не говорил ни с кем, а окружающие разговоры в голове фиксировались слабо.

Наступили холода. Нас отправили в лагерную баню. В холодном предбаннике мы разделись, одежду повесили на вешалку-плечики и сдали во вшивобойку. В собственнo бaне было нежарко, и вода была лишь теплой. Выйдя из бани, я замёрз. И не я один. Поэтому в казарме в комнате без нар набилось столько народу, что можно было только стоять. Вот в этой массе людей, поющих песню за песней, вплотную

сжатый со всех сторон, я и отогрелся. Стало жарко, все стали расходиться. Больше ничего не помню.

Дорога из Владимирво-Волынска в Нюрнберг: в вагоне жарко, душно, жажда ужасная, кое-кто стонет, на остановке несколько человек умоляют часовых дать воды. Я лежу, притих, пить хочется, голова ватная, в тумане и этакая лёгкость и невесомость в теле. Просить у фрицев пить? Унижаться? Ни за что! В Нюрнберге пробыл со 2-го по 8-е октября. Помещались в больших брезентовых палатках.

8 октября привезли в Моосбург. Когда шли от железной дороги в лагерь, я поднял с дороги несколько штук мелких картофелин и съел их сырыми. Первая показалась удивительно вкусной, вторая уже не такая, а от остальных во рту осталась горечь.

Нас привели в стационарный лагерь №VIIA. Лагерь разделён высокими сетчатыми перегородками на разделы: англичане, французы, сербы и т.д. В нашей загородке один барак. К нам пришёл немецкий мелкий чин с часовыми. Часовые выгнали всех во дворик барака. Чин залез на табуретку и на русском языке, потребовав внимания, стал говорить:

- У Советов нет командиров, поэтому немецкое командование считает вас рядовыми. Ваше правительство от вас отказалось, считая изменниками, и не подписало конвенцию Международного Красного Креста. Поэтому продуктовые пакеты получают все военнопленные – англичане, французы и другие, а вы не будете получать. Вас отправят в рабочие команды, и вы должны работать.

Далее он зачитал правила поведения для военнопленных: за отказ от работы – расстрел; за неподчинение требованиям лагерного начальства – расстрел; за саботаж – расстрел; за пропаганду – расстрел; за воровство – расстрел; за приближение к немецкой женщине – расстрел... расстрел... одним словом, сплошной расстрел.

На другой день нас зарегистрировали, сфотографировали с номером в анфас и профиль, выдали старые немецкие, кайзеровские ещё, военные мундиры синезелёного цвета с белыми высотой 25 см буквами на спине «SU», хольцшу, то есть ботинки – тряпочный верх, прибитый к толстой деревянной подошве и личный номер на шнурке. Его положено не снимая носить, как нательный крест. Номер этот из лёгкого металла бело-серого цвета, размером 70×40 миллиметров, толщиной около 1,5-2 миллиметров. Круглые дырки – для шнурка, продолговатые – чтобы после смерти можно было переломить, один приложить к регистрационной карточке, а другой в могилу с трупом. Всё предусмотрено:

мой регистрационный номер по лагерю в Моосбурге был **102135**.

11 октября нас привезли в Мюнхен, в лагерь №**3185**. Он располагался на окраине Мюнхена в районе Перлах. Помещались мы в шести бараках в комнатах по **16** человек на двухъярусных койках. Всего в лагере было около двух тысяч человек. Ну и, конечно, за капитально устроенной проволоочной оградой с часовыми на вышках. Это был лагерь с названием по-немецки: Кригстефангененарбайтскомандо, то есть рабочая команда военнопленных. Нас, как рабочую силу, Вермахт продавал немецким предпринимателям. Так образовались отдельные рабочие команды от **10-12** до **20-30** человек. Каждую команду в течение дня сопровождали один-два часовых.

У лагеря было конечное кольцо трамвайной линии. Утром нас подымали в пять утра, давали чай и кусок хлеба на день, часовые забирали свои команды, и трамвай развозил нас к местам работы. А вечером обратно в лагерь. Начинался рабочий день в шесть утра и кончался в шесть вечера. С собой команды брали обед – термос с картофельной похлёбкой. Картофель чистился не руками, а машинкой, часть кожурь не снималась и похлёбка к двенадцати часам, к обеду, капитально прокисала. Вечером чай и отбой.

Я попал в команду из **15** человек. Нас привозили в район, пострадавший от налёта английской авиации, где у многих домов пострадала лишь кровля: слетела черепица. Мы разгружали машины с черепицей, затем по шесть пластин черепицы брали на плечо и по лестнице несли на чердак шестиэтажного дома, где её складировали в указанные немцем-мастером места. Транспорт черепицы на чердак шёл целый день. Целый день мы бухали своими колодками по ступеням лестницы вверх и вниз, не считая получасового перерыва на обед. Работать мы старались как можно медленней, отдыхая на каждой этажной площадке и стараясь подольше задержаться на чердаке. Когда черепицы на чердаке накапливалось достаточно, приходили немцы-кровельщики, мы им по цепочке из рук в руки подавали черепицу, и они её укладывали на обрешётку. Затем мы переходили на следующий дом.

Наш часовой – беззубый старик, воевавший ещё в Первую Мировую войну, был в плену в России, никогда не подгонял работать, просил не делать побега, утверждал, что далеко не уйти, всё равно поймают и сильно изобьют. Ходил, собирал окурки, в обед высыпал их из кармана на газету, отбирал несколько штук покрупнее для себя, на остальную кучу говорил: фюр аллес, показывая на всех.

Однажды он взял меня и ещё одного с собой, отвёл на два квартала и мы спустились в подвал целого дома. Там лежали круглые короткие чурбачки. Он велел их расколоть и сложить в поленницу, сказал, что одна фрау за это накормит нас обедом. И действительно, в обед он нас повёл по лестнице вверх, приложил палец к губам и велел идти тихо, не топать. На одном из этажей дверь в квартиру открылась, и мы быстро в неё вошли.

На кухне уже был накрыт стол. Часовой и мы сели за стол и пообедали, часовому хозяйка, пожилая женщина, налила пару рюмок шнапса. Три дня мы были дровоколами и три дня ели приличную пищу.

В январе **1943** года кончились кровельные работы и нас продали другому предпринимателю на гравийно-щебёночный заводик. За город, на завод нас отвозил трактор с прицепом.

На заводе, принадлежащем офицеру Фрицу Рот, убитому на Восточном фронте, нас расставили по рабочим местам вместе с рабочими немцами. Добываемый из карьера гравий дробили на щебёнку, которую разделяли на фракции. В нашу задачу входило развозить вагонетками щебёнку в бункеры-накопители.

Меня поставили наверху на приёме вагонеток из карьера. Гравий из вагонетки, опрокинув её, нужно было сыпать в приёмный бункер и вагонетку отправить обратно, поставив её под бесконечную тяговую цепь.

Через пару недель я сообразил, как можно сделать аварию. И сделал. После обеда четыре вагонетки встали дыбом и рухнули с эстакады на землю вместе с цепью, соскочившей с тягового колеса, предохранители сгорели, завод встал. Прибежали немцы и часовой, молодой и вредный, я стоял с открытым ртом, испуганно моргал глазами. Немцы покрутили пальцами у лба, а часовой, сволочь, всё же врезал мне прикладом пару раз между лопаток. До конца дня вся рабочая сила заводика тащила вагонетки и ставила их на место.

Ребята через часового обратились к фрау Рот с просьбой дать приварок в обед, так как вагонетки тяжёлые, а сил у нас нет.

Как она заверещала! Как раскричалась! По лицу пошли бледно-красные пятна, и отказала.

Мы начали тянуть: еле-еле двигаться. Часовой пустил в ход приклад, но в пыли, под бункерами, среди дробилок не набегаешься за гефангенами («**gefangen** – пленный» – прим.

издателя) и, поминая чёрта, он оставил нас в покое. Через несколько дней вдова Рот от нас отказалась.

Теперь нас продали подрядчику на строительство больницы. Он нас поставил на рытьё траншеи под канализацию. Траншея была глубиной более пяти метров, по высоте у стенки траншеи были две полки. Стоящий на дне траншеи кидает лопатой грунт вверх на первую полку, стоящий на ней – на вторую, а стоящий на второй – с полки вверх на бруствер траншеи.

Наш «покупатель» – немец с жёлтой повязкой со свастикой на рукаве расставил нас по три вниз вдоль всей траншеи. Я угодил вниз на сырое дно траншеи. Целый день махать лопатой – работа тяжёлая и мы старались брать поменьше, кидать пореже, попросили приварок. Клонуло. В обед стали получать по несколько штук горячих, отваренных в мундире картофелин.

В один из дней возник конфликт. Было время обеда, и мы все были наверху. Кончился перерыв и каждый, не торопясь, стал готовиться к спуску в траншею. Наша медлительность вывела из себя немца-желтоповязочника, он стал покрикивать:

- Лесь, лесь!... Шнеллер!... Арбайтен!

- Чтоб ты сдох!... Твою мать! – сказал Саша Чугунов, стоя спиной к немцу. Однако тот расслышал слова ругани, схватил лопату и замахнулся на Сашу. Я придержал его лопату, а он с криком: «Постен! Постен!» («Часовой! Часовой!») убежал.

- В траншею лезть надоело. Ревматизм с туберкулёзом обеспечен. Давайте сядем и пожалуемся часовому, что этот гражданский немец ни за что хотел ударить офицера, что мы от работы не отказываемся, но требуем для разбора конфликта коменданта лагеря. Пока он не придет и немец не извинится, к работе не приступим, – предложил я ребятам.

Прибежал часовой, хотел сперва прикладом загнать нас в траншею, затвором даже пощёлкал, но ребята характер выдержали, и он пошёл звонить в лагерь. Через полчаса приехал комендант, забрал нас в машину и – в лагерь.

Тут нас, перед входом в лагерь, пропустили сквозь строй, избили изрядно и заперли в пустой комнате, поставив часового, чтобы исключить контакт с лагерем. Два дня нас держали на одной воде. Сменявшиеся часовые утверждали, что нас расстреляют.

На третий день вызвали восемь человек, в том числе и меня, велели забрать своё барахло и двое часовых повезли нас на площадке трамвайного вагона. Приехали на вокзал. Сели в поезд. Спрашиваем: – Куда? Не говорят.

Приехали на маленькую станцию Майтинген. Сошли и меньше, чем через километр были отданы в лагерь №3218. Было это в день Парижской Коммуны – 18 марта 1943 года.

Лагерь маленький, всего один барак и пленных в нём – 120 человек. Барак состоял из помещений: кухни, трёх спален в разных концах барака, комнаты для верхнего и нижнего белья, умывальника, туалета, столовой. На расстоянии пяти метров от стен барак был обнесён проволочной изгородью.

Вечером пришли часовые, отперли комнату для белья и стали всех торопить ложиться спать. Смотрю: каждый бежит в комнату для белья, берёт свои плечики, раздевается до нага, вешает бельё на плечики, а их на отведенное место. Это, пояснили, – профилактика побега. Часовой показал и нам, новеньким, наше место. Затем сосчитали всех и заперли каждое помещение на два длинных засова с замком.

В спальнях чуть ли не вплотную друг к другу стояли двухъярусные койки с матрацами, набитыми деревянной стружкой. Мне досталось свободное место внизу, а надо мной было место Матюхина Алексея Павловича.

На другой день в пять утра раздался стук и грохот открываемых засовов и дверей, в комнату влетели часовые и с криками: – Ауфштеен!... Ауфштеен! – стали каждого бить прикладами, вне зависимости, встал ли уже человек или нет ещё.

Голые, мы побежали за одеждой и стали одеваться. Такой порядок утреннего подъёма с избиением выполнялся неукоснительно, даже в воскресенье. После чая мы выстраивались, нас пересчитывали и вели на графитный завод, что был напротив лагеря, через шоссе, в 50 метрах.

На заводском дворе, после переодевания в спецодежду в душевой, нас разбирали на работы немцы-мастера с жёлтыми со свастикой повязками на рукавах. Передав всех, часовые уходили. Надзор за нами внутри завода поручался мастерам. А снаружи ограды завода стояли часовые. На обед мы ходили в столовую своего лагеря под конвоем часовых.

Вечером, после работы, мастера отводили нас на двор, где утром забирали, сдавали часовым по счёту, мы спускались в подвальное помещение, специально оборудованное раздевалкой и душевым помещением, мылись и выходили во двор, откуда партиями по 10-15 человек часовые отводили нас в лагерь.

Сперва я попал на строительство нового цеха, рыл траншею под фундаменты, затем немец-мастер Шилинг взял себе несколько человек на электромонтажные работы.

На завод по железной дороге поступали коксовые прессованные цилиндрические стержни и болванки диаметром до 50 сантиметров, длиной до 2 метров. В цехах, в электропечах болванки, засыпанные графитной пылью, без доступа воздуха, под током в 36 вольт и 50 тысяч ампер раскалялись и через 72 часа превращались в графитовые и шли дальше в цеха на обработку. Завод этот принадлежал корпорации Сименс-Цукерт.

Наибольшую свободу передвижения внутри завода имели те, кто работал на монтаже. Мы видели, что большие графитовые электроды печей охлаждаются водой. Решив сделать аварию, мы стали перекрывать воду. Но каждый раз, как мы закрутим краны, через 5-10 минут приходит немец-работяга и открывает их. Долго было для нас загадкой, как немцы узнают, что вода выключена. Как-то раз Шилинг взял меня работать в центральную щитовую у дежурного диспетчера. Мы с Шилингом работали: он расчищал концы кабеля, паял клеммы, подсоединял, а я стоял, поддерживал, подносил, относил, подавал и принимал инструменты и таскал их за ним в инструментальном ящике. Однажды загудела сирена на щите. Дежурный что-то сказал Шилингу, а тот велел мне идти во второй цех к печи №17 и открыть воду и предупредить товарищей, чтобы не выключали – всё равно ничего не выйдет, а часовым диспетчер пожалуется – будет худо. Я сходил, открыл краны и рассказал о бесполезности наших попыток.

Однажды Шилинг взял Долженкова в бетонный канал, в котором проходил большой пакет алюминиевых распределительных шин к печам. Решив их замкнуть, Долженков, получив из рук работающего на стремянке Шилинга гаечный ключ, «ошибочно» положил его на шины и замкнул их накоротко. Раздался сильный рёв, отключились все печи, но... через 15 минут, заменив предохранители, немцы всё включили. А вот Долженков сильно пострадал: у него сгорела кожа до локтя и его увезли в больницу для военнопленных.

В одно из воскресений часовые вывели нас на прилегающую к лагерю улицу посёлка и заставили маршировать, держать равнение, выше ногу – ни дать ни взять строевая подготовка; а потом – лечь-встать, лечь-встать, до одури.

От недавно прошедшего дождя земля была влажная, с лужами.

Обходить лужи не разрешали и громко смеялись, когда мы топали по ним. Смеялась и небольшая кучка жителей, стоявшая поодаль. Вот так нас воспитывали немцы, рядовые

немцы, выходцы из народа, хотевшие уничтожить в нас любую человеческую индивидуальность, личность. Лишь кто хранил честь, тот оставался самим собой, проявлял непонятное им упорство. С момента, как на мысе Херсонес мы были схвачены, жизни уже не было, но осталась ещё честь. И честь эту нужно было пронести. Не уронив, не отдав, не потеряв.

Шилинг, монтажник высокого класса, приехавший из Берлина, во время работы вонял вслух. Моему замечанию, что делать это при мне неприлично, он был удивлён, не больше. Как делились остальные ребята, и другие немцы воняли при них. Вот так. Русских пленных, славян, стыдиться нечего.

Почти ежедневно кто-либо приносил обрывки газет, и вечером, после ужина, с помощью словаря мы читали военную сводку на фронтах, гадая, предполагая, когда же наши разобьют немцев до конца. Мы этого страстно желали. Мы жили этой надеждой. Родина могла обойтись без нас, но мы не могли обойтись без неё.

Шилинг закончил свою работу и отбыл. Меня привели в цех обработки графитовых болванок и поставили к фрезерному станку в пару к уже работавшему на нём на правой фрезе, старожилу этого лагеря, сумрачному молчаливому, средних лет человеку с усами щёткой. Мастер цеха приставил ко мне немца для обучения, чтобы вдолбить мне «непонятливому», процесс обработки, ему потребовалось два дня, хотя понял я всё в пять минут, но тянуть дольше уже было нельзя. Мне с напарником нужно было цепью с маленькой кран-балки зацепить графитовую болванку диаметром около 20 сантиметров и длиной около 2 метров и, вставив её в патроны станка, закрепить в них. Затем каждый в отдельности обрабатывал свой торец болванки. Сначала немного срезалась торцевая часть, чтобы была гладкой, делалось сантиметров на пятнадцать углубление, и фрезой в нём нарезалась резьба. Правильность сделанного проверялась винтовой калибр-пробкой. И если она шла туго или болталась, нужно было этот кусок болванки на глубину резьбы срезать и всё повторить сначала. Осваивал и делал я это весьма медленно, так что напарнику моему, быстро справлявшемуся со своим концом, каждый раз приходилось меня ждать. А когда я, закрепив очередную болванку, уходил в туалет (довольно часто), то он, сделав свой, обрабатывал и мой конец. Тяжело мне было с ним. Вскоре он заболел и из лагеря убыл. Напарником был поставлен моих лет паренек, и мы стали тянуть волюнку, стремясь как можно меньше обработать болванок, кроме того, мы стали некоторые болванки обрабатывать специально с браком. Однако немец

на контроле каждый раз болванку возвращал, ругался, грозился. В конце концов, мастер пожаловался унтер-офицеру и нас с напарником избили. И тут меня осенило. И зачем было нарываться. Ведь когда калибр-пробка показывает брак, то болванка укорачивается и нарезается новая резьба. И мы стали укорачивать болванки, переводя их в графитовую пыль. А чтоб оправдать эти свои действия, стали потихоньку сбивать настройку и жаловаться мастеру, что станок разрегулировывается и у нас что-то плохо поэтому идет работа. Он приходил, налаживал, а на другой день мы опять всё повторяли. Мы подсчитывали, выходило, что около десяти болванок мы уничтожили в день – это восемь-десять процентов от сделанной работы.

Кроме этого мы поочередно в течение дня пять-семь раз уходили в уборную. Пока один в уборной, второй не спеша обрабатывает своей конец, а затем, чтоб не стоять ничего не делая, берёт тряпку и с серьёзным видом протирает станок: время идёт – работа стоит. Мастер, проходя по цеху, видит это и спрашивает:

- Во ист Макс? – имя Борис показалось ему трудно произносимым и он меня окрестил Максом.

- Аборт, отвечает мой напарник Алексей. Или:

- Макс, во ист Алекс? – спрашивает он меня.

- Аборт, – отвечаю.

- Варум иммер аборт? Вас ист лёс?

- Нихт гут эссен, иммер граут, кайне диэта.

Плюнет, заругается и пойдёт дальше.

Как-то я высказал ему своё твёрдое убеждение, что немцы войну эту проиграют. Он отрицательно замотал головой, с запальчивостью сказал, что они проиграли Первую Мировую войну, а вторую ни за что не проиграют, так и сказал:

- Цвай маль нихт ферлорен.

Меня перевели к мастеру Копш, занимавшемуся монтажом электропроводки. У него уже работали двое: Бугаев, бывший рентгенотехник из Одессы и ещё один паренёк. Копш назначил старшим Бугаева. Копш был вредным, ругливым и крикливым человеком. Если он нас заставлял неработающими, то злобно ругался.

Позже, в конце 1944 года, а особенно в 1945 году, он стал разговаривать с нами спокойней, мягче и, о чудо! Стал приносить для нас бутерброды, а иногда за 30-40 минут до конца рабочего времени приказывал кончать работу и сидеть в конторке-кладовке. Мощные удары Красной Армии

открыли немцам на нас глаза, и они увидели в нас людей, а не славянский рабочий скот.

Мы с Матюхиным, двое, попали на рихтовку погнутых алюминевых шин. Место работы было за строящимся цехом, на его рампе. Целый день мы работали одни. Нас никто не подгонял, мы много разговаривали и поэтому познакомились друг с другом ещё глубже. Он – старший лейтенант, морской, командир БЧ-2 (артиллерия) эсминца «Совершенный», который в первые дни войны во время ходовых испытаний подорвался на mine. В Севастополе на морзаводе при бомбовом налёте авиации противника корабль затонул. Орудия эсминца – 130 мм пушки – были сняты и установлены на Малаховом Кургане. Батареей этой стал командовать Матюхин.

В 1971 году, осматривая Малахов Курган, я увидел 130 мм морские стационарные пушки, на казённой части которых сверху укреплены металлические плиты: «Батарея ст. лейтенанта Алексея Павловича Матюхина».

В Оборонной башне я искал среди экспонатов-фотографий обороны 1941-1942 годов фотографию Алексея Матюхина. Не найдя, обратился к работникам музея. Мне показали групповой снимок моряков, и я сразу указал на Матюхина. Рассказал о лагере №3218 Майтинген.

В послевоенной литературе о Севастопольской обороне 1941-1942 годов, – П.А. Моргунов «Героический Севастополь» и другие, – Матюхина уничтожают в Севастополе. Вот так! Не по своей воле оказавшийся в лапах врага, гордо, не уронив чести командира, прошедший муки плена, он уже не интересуется авторов, ибо нужно отвечать на вопрос: что стало с Приморской Армией, брошенной командованием? Лучше убить. Услуга хуже медвежьей.

Шла вторая половина 1944 года. Под ударами нашей армии немцы отходили на запад. Всякий раз, прочитав в сводках их верховного командования о выравнивании линии фронта, мы радовались и злорадствовали: «Кисло фрицам стало – выравнивают, кончился для них 41-й, 42-й».

Участились ночные массированные налёты бомбардировщиков англичан и американцев. Об ужасах этих бомбардировок рассказывали немцы-рабочие, ездившие на работу из других мест. Стал об этом рассказывать и наш мастер Копш. Как-то нам предстояло делать электропроводку по наружной стене цеха. На дворе шёл дождь. Копш, на наше удивление, на работу нас не послал, велел переждать дождь и стал интересоваться у нас, кто, где жил. Узнав, что я из Сибири, он засыпал меня вопросами.

- Зачем ты говоришь, что в Сибири хорошо? Говори, что каждый десятый сибиряк замерзает от мороза насмерть. Пусть побольше в штаны накладывает, гнида немецкая. С перепугу бутерброды станет приносить жирнее, – посоветовал Бугаев, – сволочной народ они, больше бить надо, чтоб понятливей стали.

Ещё в 1943 году наш лагерь стали посещать агенты или вербовщики-власовцы. Вечером после ужина нас гоняли в столовую, приходил унтер-офицер, – комендант нашего лагеря, – с парой часовых и власовцем. На власовце был немецкий мундир, на левом рукаве которого, выше локтя, был пришит лоскут такого же цвета с буквами «РОА» и диагональным крестом, что символизировало старый русский Андреевский флаг, а «РОА» – русская освободительная армия.

Говорили по-русски они чисто, без акцента, видать были из русских. Они говорили, что задача русской освободительной армии – освободить Россию от коммунизма, что освобождённая Россия будет строить социализм русский, национальный, без жидов и коммунистов. Наши недостатки высмеивали зло и едко. Закончив пропагандистскую часть, агитировали вступать в РОА. Ответом им было наше единодушное молчание. Так было четыре или пять раз. И каждый раз для них безрезультатно. Никто не хотел вступать в РОА.

На железнодорожной платформе прибыл большой трансформатор метра три-четыре высотой, такой же ширины и метров пять длиной. Он должен быть поставлен в печной цех вместо вышедшего из строя. В помощь немцам-работягам подключили нас, десяток человек, военнопленных. Немцы очень торопились, так как печной цех простаивал. Мы же совершенно не были заинтересованы в возобновлении работы цеха. Наоборот, не будет работать цех, не будет графитовых болванок, следовательно, не будет у электросталеплавильных печей электродов, уменьшится выпуск стали.

Немцы привезли на электрокарах ручные гидродомкраты, шпалы, брёвна, ломы и т.п. и мы начали работу по съёмке трансформатора с платформы и передвижке его в цех. При этом мы качали домкраты медленно, как только можно, переносили их, шпалы, брёвна не туда, куда нужно, подносили не то, что требовали немцы, переспрашивали по нескольку раз, страшно суетились и медленно ходили вокруг трансформатора, натываясь друг на друга.

Видя, что подвижка трансформатора затягивается, на другой день немцы пригласили часовых, и вот теперь двое

часовых смотрят за нами, как мы работаем. Поняв, что мы не выкладываемся, а замедленно тянем вольнку, стали орать и пускать в ход приклады. Вот часовой набросился с руганью на Матюхина и поднял винтовку для удара прикладом. Матюхин бросил ручку домкрата и с таким презрением смотрел ему в глаза, что он, продолжая ругаться, не ударил. Тогда лишь Матюхин снова стал в том же темпе работать. А Мишин, человек уже пожилой, около пятидесяти лет, когда часовой ударил его, стал быстро-быстро качать ручку.

- Зо, зо...гут, швайн, – удовлетворённо загундосил часовой, но Мишин вдруг бросил ручку, стал кашлять, схватился за грудь и, сидя на земле, стал дышать часто, прерывисто.

- Эр ист офицер, абер ду бист швайн, ферштанден? – сказал я часовому, он разозлился, трахнул меня прикладом и второй часовой стал бить других ребят. Матюхин бросил лом, бывший у него в руках, и сказал:

- Если будете бить, работать не будем!

- Никс работа?... Саботаже... Саботаже, – и увидев, что все прекратили работу, дал два выстрела в воздух.

Через несколько минут прибежал унтер-офицер с тремя солдатами, загорланили, затем схватили Мишина, Матюхина, меня и поставили к глухой кирпичной стене цеха. Всё это с криком, гамом, шумом. Не знаю, как себя чувствовали Мишин с Матюхиным, а я, понимая, что пришёл конец, впал в апатию, безучастно, как сквозь дымку наблюдая испуганные лица ребят у трансформатора и Сашу Чиликина, лейтенанта морского, горячо что-то доказывающему унтер-офицеру.

Унтер-офицер подал команду, солдаты подняли винтовки, прогремели выстрелы, сверху что-то просыпалось на меня крошками и мы продолжали стоять. Медленно-медленно стал соображать, что что-то произошло не то. Мишина и Матюхина часовые отправили к трансформатору, а мне унтер-офицер связал руки и повёл к себе в помещение охранной команды. Здесь он мне заявил, что за саботаж и за то, что я оскорбил немецкого солдата, назвав его свиньей, он меня заключает под арест на пять суток, и для большей убедительности стал хлестать меня по голове широким жёстким ремнем. Лицо и руки рассёк мне в нескольких местах и отправил с часовым. Через несколько кварталов тот остановил меня возле одного из отдельно стоящих домов. Позвонил у калитки. Вышел полицейский и повёл меня в подвал, ввёл в крохотное помещение три на два метра, полутёмное, с отверстием под потолком в два квадратных дециметра. Развязал мне руки, закрыл дверь снаружи на засов. У стены стоял деревянный топчан, и я прилег на него,



думая, что же ожидает меня после ареста? Однако вскоре я замёрз и стал ходить взад-вперёд, три шага туда, три шага назад. Ночью холод усилился, я стал ходить быстрее, стал подпрыгивать, приседать. На шум спустился полицейский, открыл дверь, стал смотреть на меня.

- Кальт хир, зер кальт, – сказал я.

Он молча захлопнул дверь и, засунув засов, ушёл.

Два дня и две ночи в холоде и в голоде привели меня в отчаяние, уж лучше бы застрелили, сволочи. А ещё терпеть три дня. На третий день пришёл часовой, забрал меня, привёл на фабрику и втолкнул в подвале в помещение, если это можно назвать помещением, полтора на два метра, по стене которого проходили толстые трубы отопления и горячего водоснабжения. Сначала я обрадовался жаре, а потом, когда согрелся, стал от неё изнывать. Помещение это было недалеко от нашей раздевалки. Вечером я стал петь наши песни, ребята услышали. На другой день мне принесли хлеб, просунули в щели, а водой догадались напоить через резиновую трубку. Через пять дней я еле дошёл до лагеря, до своей койки. Но ничего, в течение нескольких дней отошёл.

Днём на фабрике подошёл ко мне часовой.

- Ду, ком мит, - поманил рукой.

- Вохин? – спросил я.

- Гляйх коммен.

Он идёт впереди, а я за ним. Подходим к фабричной конторе, из неё выходит Овчинников, криво улыбается:

- Сейчас будет интересная беседа.

Солдат остановил меня в коридоре, заглянул в одну из дверей, жестом показал, чтоб я зашел.

В маленьком кабинете за письменным столом сидел власовец. Он встал, показал на стул напротив.

- Здравствуйте, садитесь, пожалуйста, – он отрекомендовался, но я забыл его поганое имя, – Вы Кубарский Борис Александрович?

- Да.

- А какая Ваша военная специальность?

- Артиллерист.

- Что же Вы кончали?

- Второе Киевское училище.

- Ааа, второе КАУ? Знаю, знаю. Ваш начальник училища – генерал-майор Гундорин. В каком дивизионе учились?

- В первом.

- Значит у майора Батикяна?

- Да, – откуда, думаю, он знает эти подробности?

- Борис Александрович, Вы, конечно, догадались, что я Вас пригласил для серьёзного делового разговора, надеюсь о вашем вступлении в ряды русской освободительной армии. Я понимаю, что сделать такой шаг для всех нас, и мне представьте в том числе, не просто и не легко, ведь мы всю жизнь воспитывались однобоко, прокоммунистически, через пионерию и комсомол. К Вам в лагерь неоднократно приезжали мои товарищи по РОА и проводили разъяснительные беседы о целях, задачах РОА и программе послевоенного устройства русского общества. Так как? Вы согласны вступить в ряды РОА?

- Нет.

После этого он ещё минут десять заливался соловьём в том же духе.

- Прошу Вас, Борис Александрович, не отбрасывать всё, что я Вам говорю. Подумайте, хорошенько подумайте. Нам офицеры-артиллеристы очень нужны. Очень. Уверен, что если Вы умный человек, то в ходе раздумий Вы придёте к нам...

- Но немцы-то драпают, – перебил я его.

- Ах, это временное явление. Скоро у них появится новое мощное оружие, и немцы всё себе вернут. Вот и нужно, чтобы РОА окрепла качественно и количественно для решения предстоящих задач. Мы будем ждать Вас. И ещё. У Вас могут быть мотивы, по которым Вы не хотели бы афишировать свой переход в РОА. Подойдите к часовому и скажите, что Вы хотите поговорить с комендантом лагеря. Ему и скажете. Вас уведут под видом перевода в другой лагерь. Распоряжение уже отдано. А сейчас Вы свободны, будьте здоровы.

Я встал и вышел. Смотрю, к конторе часовой ведёт очередного человека. Так проходила индивидуальная обработка-вербовка в РОА. Но и такой приём успеха им в нашем лагере не дал.

Кто-то из ребят стал потихоньку из деревяшек, кусочков проволоки и других отходов делать игрушки: маленькие автомашины, самолёты, слона на тележке и т.п. и на фабрике загонять их немцам за хлеб и сигареты. Комендант нашего лагеря, унтер-офицер, делать их запретил. Немцы на фабрике стали их заказывать, но мы им объяснили, что нам делать игрушки запрещено.

Через некоторое время унтер нас собрал в столовой и объявил о разрешении делать игрушки, но только не

разрешил носить их с собой на фабрику. Для их реализации два-три раза в неделю солдат будет забирать игрушки и относить в бэкэрай (булочную). На каждой игрушке должна быть бумажка с лагерным номером пленного, кто её сделал и что он хочет: хлеб, сигареты, но не больше этого ассортимента. Игрушки будут выставлены в булочной. Плату за реализованные игрушки солдат будет приносить в лагерь. Оказывается, немецкие женщины просили разрешить делать игрушки. Понравились.

Наступил 1945 год, всё чаще гудят воздушные тревоги по ночам, стали тревожить и днями. Раньше каждое воскресенье мы, человек по двадцать, по очереди привлекались на отгрузку готовой продукции на железнодорожные платформы. А теперь нет. Спрашиваем, почему? – Некуда. Разбомблен завод-получатель.

Копп, наш мастер, стал мягким человеком, снял с левого рукава жёлтую повязку со свастикой. Перестал на работе подгонять. Стал раньше времени отпускать, что дало нам возможность мыться в душевой не торопясь, с отдыхом. А, выйдя наверх во двор, постоять, подождать, когда наберётся вымывшихся десять человек, тогда часовой отведёт десятку через шоссе в лагерь.

Стая так, прислонившись к стене дома, я безучастно смотрел на часового, вышагивающего передо мной взад-вперёд, и думал, что этот часовой появился только вчера, наверное, из выздоравливающей команды, недели через полторы, возможно, будет снова отправка на фронт. Последнее время солдаты охраны нашего лагеря стали чаще меняться. Он остановился, вынул сигаретницу, взял сигарету и прикурил от зажигалки. Наши глаза встретились. Я непроизвольно глотнул и с равнодушием отвёл глаза.

Один из наших вышел из раздевалки, пристал к часовому и стал выпрашивать покурить:

- Постэн, раухен..., постэн, раухен...

Посмотрел я на него – почему человек так унижается? Ведь говорили мы промеж собой о поведении командира, об умении вести себя с достоинством. Но ... люди суть разные.

Часовой ходил, ходил, остановился перед ним:

- Бист ду офицер?

- Я, я, – закивал он.

- Ду бист нихт офицер, эр ист офицер, – указал часовой на меня, подошёл ко мне, спросил:

- Вильст ду раухен?

- Яволь, – ответил я спокойно.

Он вынул сигарету, дал мне и поднёс огонь зажигалки.

- Данке, – поблагодарил я его.

Когда нас, очередную десятку, часовой привёл к воротам лагеря, я заметил и обратил на это внимание всех ребят, что на вывеске после номера лагеря стоит не буква «М» – Маншафт (рядовые), а буква «О» – Официрен (офицеры). Наконец признали! Но с чего бы это? Мы, обсудив это, отнесли на счёт побед нашей Армии.

Ребята, работавшие в цехах у станков, стали работать еле-еле. Немцы-руководство всполошились и по этому поводу наш унтер устроил собрание в столовой. Предупредил, что если будем плохо работать, то он вынужден будет принять крутые меры.

И вот не обошлось без подлости и в нашем лагере. Попов предложил свои услуги. Унтеру и немцам-мастерам он сказал, что в Советском Союзе каждый рабочий должен выполнить норму обязательно, а при перевыполнении – премируется. Вот он и предложил установить на каждый вид продукции дневную норму и не отпускать от станка до тех пор, пока она не будет выполнена, а кто будет перевыполнять – усилить питание.

Попов, пожилой человек, полный, с маленькими, острыми, заплывшими глазами, нос пуговкой, вёл себя тихо, индифферентно, работал в зарядной электрокар один с немцами. Вечерами в бараке сидел, чинил немцам часы.

Сразу же с введением нормативов начались неприятности. Часовым, вынужденным оставаться после дня охраны ещё и в цехах ждать, когда будет выполнена норма, а потом ещё мытьё в душе, это не понравилось и они не выполняющих норму стали лупцевать.

Через несколько дней один за другим, большинство, сдало свои позиции. Дольше всех держался Матюхин. Оставшись в единственном числе, тянувший выполнение нормы до девяти-десяти часов вечера, избитый, весь в синяках, по нашему совету прекратил сопротивление.

Унтер объявил Попова старостой лагеря, освободив его от работы. В бараке был закуток с окном во двор. Его перегородкой отделили ото всех и с другой стороны сделали дверь в коридор у выхода из барака. Это помещение занял Попов. К нему провели провод сигнализации: вызов унтера. Пока мы искали возможность прибить Попова, чтоб подозрение не пало на остальных, он из лагеря исчез.

Игрушки мы делать перестали – рынок насытился, допшаёк наш иссяк.

Вскоре фабрика остановилась окончательно. На работу нас не гонят, целые дни мы проводим в лагере. Нам резко сократили паёк. Начался голод, дистрофия, резкое движение телом вызывает обморок. Ходим еле-еле. Нет газет. Не знаем дел на фронте.

На поле, примыкающем к лагерю, зимой была картошка в длинных, во все поле, буртах. В марте немцы её выкопали, увезли. Мы попросили унтера разрешить пройтись трём-пяти человекам с корзиной, возможно, найдем отдельные картофелины. Поиск увенчался успехом. Картошку сварили в лагерном котле, разделили на кучки каждому. Пар от неё шёл вонючий. Попадались картофелины съедобные, сгнившие, полусгнившие. Таковую ели мы картошку. К счастью, никто не отравился.

Трое не выдержали голода и ушли в РОА.

Наступил апрель. Перестали ходить поезда от Майтингена на Север. Мы слышим медленно приближающиеся звуки боя. Однажды в лагерь приехал майор. Нас, доходяг, построили, и майор зачитал приказ о порядке передачи противнику военнопленных. Такая гуманность и ...немцы в голове моей не совмещались. Что-то тут не то. Тут подвох какой-то можно ожидать.

Лишь много лет спустя, будучи в гостях у однополчанина Гонтарева Степана, я прочёл переписку Сталина, Черчилля и Рузвельта. Оказывается, Черчилль с согласия Сталина предупредил немцев, что в случае уничтожения союзных военнопленных, будут уничтожены и немецкие. Вот, оказывается, что заставило немцев позаботиться о наших жизнях: сила и страх. Нет, не гуманность! Сила и страх – язык, который немцы понимают без переводчика!

Утром 27 апреля снаряды стали падать на Майтинген.

Часовые подняли длинный шест с белым флагом над своим помещением, бросили и нам, мы прикрепили над бараком белый флаг.

Подъехали на виллисах американцы, распахнули ворота, обошли помещения барака. Матюхин рассказал им, кто мы, затем они забрали в плен унтера с солдатами и отправились дальше.

Свобода! Свобода!! Свобода!!!

Мы высыпали из лагеря и разбрелись по поселку Майтинген. Ребята конфисковали у жителей радиоприёмник и принесли в лагерь: теперь мы были в курсе всех новостей.

Бывшие наши старшие командиры и политруки собрали нас всех на собрание, и мы решили вести себя достойно,

жителей не трогать, не разбойничать. Нашлись среди нас интенданты, составили потребность в продуктах для лагеря по нашей армейской норме. Делегация старших офицеров отправилась к бургомистру Майтингена и заявила ультиматум, что в случае непредставления ежесуточно указанного количества продуктов в лагерь, спокойствие жителей не гарантируется.

Немцы тут же всё привезли и в дальнейшем привозили аккуратно.

Мы – изголодавшиеся, дистрофики бродили кругом кухни, ждали обеда. Обед был на славу: мясной борщ, гуляш, компот. И хоть желудки были переполнены, чувство голода не проходило. В помещении часовых мы обнаружили большое количество пакетов Красного Креста: шоколад, сливочное масло, мясо, сыр, разделили и тоже вкусили. К сожалению, среди нас не оказалось врача, чтобы предупредить об осторожности с едой. У всех поголовно открылся понос. Две недели мы мучились, пока всё не нормализовалось.

1 мая на виду у жителей мы построились перед лагерем и под пение Интернационала подняли на высокую мачту наш государственный флаг, сшить который заставили одну из жительниц Майтингена.

Ежедневно радио призывало: «...Бывшие советские военнопленные, граждане, насильно увезённые в Германию, объединяйтесь в десятки, сотни, ждите отправки на Родину...». Этот призыв Родины мы стали выполнять, собирая их в наш лагерь из прилегающей округи, где они работали у бауэров по одному-два человека.

К нам в лагерь приехали американские офицеры с просьбой, чтобы мы перешли в лагерь Ландсберга. Там в бывшем немецком военном городке очень много наших людей, но нет порядка, царит анархия. Мы согласились. На другой день на военных грузовиках мы приехали в этот лагерь. Построили людей, разбили на полки, батальоны, роты. Я получил в «командование» роту. Составили списки, организовали нормальное питание. Начали проводить политбеседы.

К военному городку примыкал большой участок со складами, который американцы взяли под охрану. Из складов студбеккерами день и ночь они вывозили мешки с белой мукой. Мы просили для нужд лагеря муку – не дали.

Вскоре американцы опять обратились с просьбой, чтобы часть наших офицеров переехала в лагерь в Диллинген на Дунае. Туда переехало около пятнадцати человек, в том числе

Матюхин, Мишин, Овчинников, Чиликин и я. И в этом лагере мы организовали штаб, открыли столовую, организовали самодеятельность, библиотеку, по вечерам в клубе открыли танцы. В этом лагере было очень много наших девчат, живших вперемежку, кто где придётся. Постепенно, разобравшись во взаимоотношениях людей, выделили отдельное помещение для женщин.

В немецкой швейной мастерской немцы сшили хорошие мужские рубашки для нас, а это несколько тысяч штук. В городе была американская комендатура, все наши контакты с ней шли с помощью Матюхина, хорошо владевшего английским языком.

Штаб лагеря всему командному составу выдал удостоверения: в них утверждалось, что бывший военнопленный, – имя, фамилия, – работает в лагере Диллинген на Дунае по репатриации военнопленных и граждан, насильно увезённых в Германию. У кого было личное оружие, тому дали тоже удостоверение на право ношения. У меня был парабеллум.

В один из дней к нам приехали офицеры нашей армии: полковник, капитан и старший лейтенант. Мы построились. Полковник поздравил нас с Победой и сообщил, что они сейчас договариваются о порядке передачи нас из американской зоны в советскую, а оттуда уже мы отправимся по домам. Ему много задавали вопросов и он старался обстоятельно на все ответить. После этого они зашли в наш штаб и здесь Матюхин, узнав, что капитан-особист, спросил его, насколько верны слухи, что всех военнопленных отправляют на Колыму бессрочно. Тот помолчал немного и заявил, что сейчас, здесь, об этом говорить не стоит, разговор, и серьёзный будет, когда вернёмся на Родину. А слухи об этом были. И упорные. Не могу сказать, что слухи эти меня не настораживали, но в то же время особенно не тревожили. У меня было ощущение, что они меня не касаются. И я твёрдо был уверен, что, вернувшись на Родину, продолжу службу в армии, ставшей с 1939 года моей профессией. А когда прошёл слух, что на Родине для офицеров, бывших в плену, есть пункты госпроверок, то последние остатки сомнений покинули мою душу, и готов был лететь на крыльях на госпроверку, затем мундир на плечи и за работу – служить дальше в армии.

Наконец, началась отправка из лагеря. Я был назначен старшим одной из партий. Эшелоном по железной дороге мы прибыли в Эрфурт, здесь влились в большой лагерь, занимавший бывший военный городок.

Следующая партия, прибывшая из Диллингена, привезла печальное известие: Матюхин Алексей покончил с собой. Почему? Никто объяснить не мог. И для меня этот его поступок сначала был необъясним. Но, вспоминая о нём на госпроверке, а затем, перенося унижения и оскорбления, будучи уже демобилизованным, и наши длительные разговоры с ним на рампе цеха графитовой фабрики, где он мне открылся, как человек, органически не терпящий немцев, и его потрясение периодом репрессий, когда начали забирать людей как врагов народа – я понял, что он не мог по складу своего характера вернуться, чтобы попасть на Колыму, и не мог остаться в Германии. Безысходность его сгубила. Угрожающая, жестокая интонация ответа капитана-особиста сделала своё чёрное дело. Жить не стоит, когда знаешь, что ни ты сам, ни твоя голова, ни твои руки никому не нужны. Тогда надо уходить.

Из Эрфурта ушли американцы и пришли наши. С этого времени мы почти каждый день отправляли на Родину по тысячи-полторы из нашего переполненного лагеря. Когда все были отправлены, командование лагеря во главе с Виктором Хазановым, бывшим узником Бухенвальда, и весь штаб отправились своим ходом на автомашинах, грузовых и легковых. Большинство уехало парами, в том числе и я с Катей Алешиной, с которой мы опьянённые свободой, подружились. Ехали через Йену-Дрезден-Краков-Киев в Мариуполь на родину Хазанова. Оттуда мы с Катей приехали к ней в Запорожье.

Прожив у Кати пару недель, в конце августа я пошёл в облвоенкомат за направлением на госпроверку. Считая, что госпроверка – это чистая формальность и продлится несколько дней, в одном костюме, тапочках, с балеткой-чемоданчиком я явился к первому сентября на станцию Опухлики Великолукской области в Первую Запасную Горьковскую стрелковую дивизию. Найдя в густом лесу эту «дивизию», я оказался за проволокой, в лагере со сторожевыми вышками по углам, с часовыми на них. При входе меня обыскали, парабеллум изъяли. Подойдя к проволочной ограде у вышки при смене часовых, я услышал:

- Пост по охране изменников Родины сдал.
- Пост по охране изменников Родины принял.

Это оказалось для меня ударом страшной силы. К нему я совершенно не был готов. Усилились головные боли, по ночам бил озноб.

Жили мы в больших землянках с двухэтажными нарами по 150-200 человек, полные блох и клопов.

Шли дни. Что дальше будет с нами, никто не знал, и я стал свыкаться с мыслью о «путешествии» на Кольму. Неожиданно встретил тех троих из Майтингенского лагеря, которые ушли в РОА.

- Расскажите, где вы были в РОА.

- Мы её, – РОА, – не видели. Нас привезли на немецкий аэродром и заставили подвозить бомбы к самолетам, а через пару недель освободили американцы.

Вскоре они из лагеря исчезли.

На территории лагеря была землянка ОКР «СМЕРШ» – отдел контрразведки «Смерть шпионам». Туда вызывали по одному, по ночам. Там я заполнил длинную анкету, описал всё, что со мной произошло. На прямой вопрос:

- Почему Вы не застрелились? – я не мог дать прямого ответа:

- Вероятно от того, что кругом было много бойцов и командиров. Если б оказался один, наверное, застрелился бы.

Нас собрало командование «дивизии», объявило, что для решения, что с нами делать, товарищу Сталину подготовлено четырнадцать вопросов, результат будет нам объявлен. Через некоторое время и объявили: все, кто пройдет «СМЕРШ», независимо от звания и должности, будут демобилизованы.

Это был второй страшный удар по моим розовым мечтам. Невольно подумалось, хорошо ещё, что в плену оказалось нас много, иначе сгноили бы нас на Кольме.

Здесь я встретил Мезенцева Михаила Семеновича. Он осунулся, поседел. Был убит горем: очень переживал наше запролочное существование. После госпроверки он вернулся в Кишинёв, к семье. Работал сначала военруком в училище, а затем экспедитором завода стиральных машин. Под его влиянием в 1967 году я переехал в Кишинёв, а в 1968 году Мезенцев, 58-и лет умер и был похоронен на Польском кладбище.

Встретил Михаила Ерофеева, командовавшего 5-й батареей после меня. Впоследствии он стал директором совхоза в Челябинской области. И сейчас там живёт.

В соседней роте оказался товарищ моей юности, Саша Теньшев, тоже артиллерист, с которым я два лета провёл в Москве после седьмого и восьмого классов.

12 ноября я получил справку, проездные документы, талоны на питание, 1.365 рублей и поехал к матери в Бугуруслан. В тапочках.

С Ржевского вокзала, едва не отморозив ноги, добрался в Останкино к Бандаковым. На другой день на базаре приобрёл валенки, телогрейку, шапку.

Демобилизованные воины-победители эшелонами возвращались на Родину. Их встречали музыкой, цветами, почётом. А кто я? Человек без прошлого, без будущего и с очень неопределённым настоящим.

Севастополь – моя гордость!

Севастополь – моё горе!

Прошли первые радостные дни встречи с матерью, надо было думать о хлебе насущном – идти устраиваться на работу.

Прихожу на предприятие, в отдел кадров, прошу принять на работу. В кадрах, как правило, сидели бывшие фронтовики, инвалиды.

- Воевал? На фронте был?

- Конечно, – отвечаю.

- Раз фронтовик, обязательно устроим на работу. А где воевал?

- В Молдавии, в обороне Одессы, в обороне Севастополя.

- О-о-о, Севастополь! А я воевал на Первом Украинском фронте. А ты потом где?

- Был в плену.

- Как так?

- А в Севастополе кто сражался до последнего дня и чудом остался жив, был захвачен в плен.

- Ааа! Ну, зайди на следующей неделе!

И так повсюду. Остатки денег таяли. Хорошо хоть картошка была относительно дешёвая – 25 рублей ведро.

В военкомат пришло моё личное дело. Мне дали отношение в паспортный стол, и я получил вместо паспорта листок сроком на шесть месяцев. С этого времени десять лет каждые полгода я ходил в паспортный стол на обмен этого листка и лишь в 1955 году, после смерти Сталина, получил настоящий паспорт на десять лет.

И в тоже время я получил военный билет офицера запаса первого разряда. В военном билете записано:

«12. Уволен в запас 12 ноября 1945 года приказом ком. войсками Смоленского ВО №0183 от 12.11.45 года по статье 43 А».

- Что означает статья 43 А? – спросил я.

- За пребывание в плену, – был ответ.

Это был третий страшный удар. Это – оскорбление недоверием. Это – тавро. Оно жжёт мне душу и по сей день.

Вспомнил я друга юности, по – 10 классу в Усолье, Олега Демичева. Написал ему письмо. Получил ответ: не проживает. Вспомнил, что отец его работал главбухом на спичфабрике. Запросил. Ответили: он перевелся на Новозыбковскую фабрику. Отец ответил и дал номер полевой почты Олега. От Олега пришло восторженное письмо: «Борька, ты ли это? Столько лет, ни слуху, ни духу! Пиши всё о себе подробно. Я командую полком самоходок. Стоим под Веной». Ответа на своё подробное письмо я не получил, ни на второе, ни на третье. На два письма не ответил и его отец. Я-то считал Олега своим другом, а считал ли так он? Ваня Синьков, наш однокашник, бывший у меня в гостях в 1982 году, нашёл Олега, сообщил ему мой адрес. Только он ему ни к чему, как видно. Мне говорят: ты большой идеалист! Но как же жить без идеалов?

Я пришёл в военкомат просить помощи в устройстве на работу. Оказавшийся там военрук медучилища, сержант Хренов, предложил мне вести уроки военно-физической подготовки на третьем курсе:

- Ставки военрука и уроков на первом и втором курсах всего в сумме на тысячу рублей мне хватит. А с третьим курсом трудно: не слушаются. Возьмёшься? Приходи завтра с утра в училище.

Так я стал работать на 152 рубля в месяц.

К урокам готовился я тщательно. Требования к учащимся, в основном девушкам, предъявил сразу жёсткие, дисциплина наладилась. На каждом моём уроке присутствовали либо директор, либо завуч. Почему они ходят на мои уроки и постоянно? – думал я – наверное, я плохо веду уроки и на педсовете они меня раскритикуют. И готовился к каждому уроку ещё тщательней.

У меня была последняя пара часов лыжной подготовки, я всегда ходил на урок с классом. И сейчас сидел в пустой уже учительской и заполнял классный журнал. Завуч открыл дверь из своего кабинета:

- Борис Александрович, когда заполните журнал, и если никуда не торопитесь, то зайдите ко мне, поговорить, – сказал он.

- Хорошо, – ответил я и подумал: сейчас он раскритикует мои уроки.

Когда я сел в кресло напротив и посмотрел на завуча вопросительно, он некоторое время помолчал и спросил:

- Скажите, Борис Александрович, каково к Вам отношение из-за плена?

- Не понимаю, чего Вы хотите? В анкете и в автобиографии всё, что нужно по этому вопросу, я чётко изложил.

Он немного помолчал.

- Мой родной брат пропал без вести. Позавчера от него пришло письмо из Австрии, он был в плену. Спрашивает, что у нас делают с бывшими пленными, как относятся? Возвращаться ли ему домой или остаться в Австрии?

- Конечно, домой, на Родину.

И опять пауза, на этот раз долгая.

- Борис Александрович, я Вам выдам секрет, могу я на Вас положиться?

- Вполне.

- В училище приходил зав. военным отделом горкома партии. Посмотрел Ваше личное дело и сделал нам замечание, зачем приняли бывшего пленного. Поинтересовался, как Вы ведете уроки. Директор сказала, что лучшего преподавателя не найти. Заявив, что веры Вам нет, он обязал нас бывать на всех Ваших уроках. Вот исходя из этого, я и хочу услышать Ваше откровенное мнение: что посоветовать брату?

- Поступок зав. военотделом оскорбителен и подл. Я считаю, что вообще ко мне проявлена несправедливость. Оттого боль и горечь жгут мне душу. Но что же делать? Что? Таково наше время, такова наша судьба, такова наша жизнь. Куда уйдешь? Родина одна. И как бы плохо на Родине не было, без Родины – ещё хуже. Пройдут годы, и ностальгия его источит. Пусть возвращается.

## ЧЕРЕЗ 40 ЛЕТ

Наступило 40-летие со дня Победы нашей Родины в Великой Отечественной войне с фашистской Германией.

Контузии, которые я получил под Одессой и Севастополем и которым я не придавал значение, а так же горечь и боль от страшных, незаслуженных ударов, сделали своё злое дело. Первую операцию на сердце я перенёс в республиканском госпитале инвалидов Отечественной войны в городе Алма-Ата в 1964 году. После операции, на НГЭК, от инвалидности отказался: горячо было желание вернуться в строй работающих.

После ранее изложенных событий, лет десять я работал военруком, инструктором физвоспитания учащихся в системе Трудовых резервов. Работая, окончил Барнаульский строительный техникум. Пошёл мастером на стройку. Поступил во Всесоюзный заочный инженерно-строительный институт, но не выдержал перегрузок и с третьего курса оставил учебу.

Всю жизнь меня преследуют озноб по ночам, кратковременные потери равновесия и памяти и другие неприятные явления – результат фронтовых контузий.

Восемь лет назад, будучи одним из главных специалистов проектно-технологического треста Минстроя Молдавии, после повторного инфаркта миокарда, работать больше не смог.

Несколько месяцев назад профессор Бредикис в Каунасе сделал мне уникальную операцию на сердце с помощью лазера, продлив мою жизнь ещё на какое-то время.

И нынче я – инвалид первой группы Великой Отечественной войны. Мне вручили орден Отечественной войны первой степени и медаль 40 лет Победы, но горечь и боль от тавра продолжают жечь мою душу.

И за сорок лет никому на ум не пришло снять с безвинных защитников Севастополя жгущее их душу тавро.

Я радуюсь успехам Родины и огорчаюсь недостаткам. Душа моя осталась такой же комсомольски-преданной, как и в 1939 году. Живу я на пенсию и не нужно мне богатства, ибо нет большего богатства, чем радость трудного свершения Родины – Победы и сорока лет мира, и не нужны мне почести, ибо сам сужу себя за достойное, а постыдного не совершил.

**1980-1985 г.г.**

Б.Кубарский

«...Подлинная могила ушедших всегда не на кладбище, а в забывчивых сердцах...»

«Комсомольская Правда», 1980 г.

## ВМЕСТО ЗАВЕЩАНИЯ

После смерти меня кремировать и прах развеять под Севастополем на вершине горы Гасфорта, где был прадед мой, фельдфебель И.Р. Шмах, – защитник Севастополя в **1854-1855** годах, и где в ноябре-декабре **1941** года был мой НП.

Без цветов, венков и без оркестра, ибо товарищам моим, оставшимся навечно молодыми, единственной музыкой был грохот разрывов.

**1978-1985 г.г.**

Б.Кубарский



Кубарский Б.А.

ВМЕСТО  
ЗАВЕЩАНИЯ

*«Родина могла обойтись без нас,  
но мы без неё обойтись не могли».*

Редакционная коллегия – Воронцов В.В. , Варенова Е.В.,  
Мальцева Н.Ю.

---

Подписано к печати 20.06.12. Заказ 20/6/12  
Гарнитура Book Antiqua  
Формат 64х90 1/16 Усл. печ л. 2,79  
Тираж 1000 экз

ООО “Каламо-пресс”  
г. Севастополь, 2012 г.